

МУЗЫКА, КОТОРАЯ ГОВОРIT С МИРОМ

ТОЛИБХОНУ ШАХИДИ-80

Этот специальный выпуск газеты посвящён выдающемуся таджикскому композитору Толибхону Шахиди. В номере - эксклюзивные интервью, воспоминания коллег и друзей, редкие фотографии и статьи о его музыке, звучащей в лучших концертных залах мира.

6 сентябри соли 1999, лаҳзаи ифтитоҳи мучассамаи Шох Исмоили Сомонӣ, аз ҷониби Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон операи ман “Амир Исмоил” садо дод. Он лаҳза дарк кардам, ки бунёди мучассамаи Исмоили Сомонӣ танҳо сохтани як иншооти азим не, балки барқарор кардани симои таърихии миллат мебошад.

Толибхон ШАХИДИ

... Танҳо ҳамин басанда аст: самимӣ будан, дар оташи муҳаббат ба санъат сӯхтан ва роҳи хешро устуворона паймудан. Толибхон Шаҳидӣ чунин аст. Имрӯзҳо ба ном бастакорон фаровонанд, аммо ӯ мусиқии асил меофарад. Зиндагӣ худ як муъҷиза аст ва муъҷизаро наметавон сади роҳ шуд.

Андрей ЭШПАЙ,
композитор, Народный артист СССР

... И всего-то надо быть искренним, пламенеть к искусству и вести свою линию - таков Шахиди. Сейчас много всяких суррогатов, а он пишет настоящую музыку. Жизнь - это чудо, а чудо не запретишь. Да здравствует амплитуда! То падаешь... то летишь...

Ман аввалин ҷоизаҳоямро дар замони Истиқлол гирифтаам. Бо унвони Ҳунарпешаи мардумии Тоҷикистон, ордени «Дӯстӣ» қадрдонӣ гаштаам. Барои балети «Марги судхӯр» соли 1994 сазовори Ҷоизаи давлатии ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ шудам. Вақте ки ин ҷоизаро аз дасти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон гирифтаам, дилам ҳам шод буд, ҳам пур аз ҳасрат – афсӯс, ки дар он лаҳзаҳо падарам ҳузур надоштанд.

Толибхон ШАҲИДӢ

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ҳангоми супоридани ордени «Дӯстӣ» ба бастакор Толибхон Шайидӣ

МУСИҚӢ - ЗАБОНИ МУАРРИФИИ МИЛЛАТ

Яке аз чехраҳои барҷастаи фарҳанги тоҷик, бастакори маъруф Толибхон Шайидӣ 80-сола мешавад. Ин сана танҳо як ҷашни шахсӣ нест. Ин рӯйдод имкони дигарест барои андеша кардан дар бораи он, ки чаро доништан ва фаҳмидани осори ӯ барои ҷомеаи мо муҳим аст ва чи гуна эҷодиёти ӯ метавонад ба муаррифии Тоҷикистон дар арсаи байналмилалӣ хизмат кунад.

ПУЛИ ФАРҲАНГҲО

Толибхон Шайидӣ дар оилаи бастакори бузург ба дунё омадааст. Падари ӯ Зиёдулло Шайидӣ асосгузори мактаби касбии композиторӣ дар Тоҷикистон ба шумор меравад. Вале Толибхон на танҳо мероси падарро идома дод, балки онро ба сатҳи ҷаҳонӣ баровард.

Осори Толибхон Шайидӣ намунаи нодири ҳамзистии анъанаҳои фарҳангист. Дар мусиқии ӯ мақоми тоҷикӣ, андешаи ирфонии адабиёти форсӣ-тоҷикӣ ва забони симфонии аврупоӣ бо ҳам мепайванданд. Ин омезиш ба мусиқии ӯ хусусияти универсалӣ мебахшад. Он ҳамзамон миллий ва ҷаҳонӣ аст.

Ҳамин аст, ки асарҳои ӯ дар саҳнаҳои машҳури ҷаҳон садо медиҳанд - аз Москва то Лондон ва Нью-Йорк. Ҳар боре, ки мусиқии ӯ иҷро мешавад, дар асл як порча аз фарҳанги тоҷик ба ғӯши ҷаҳонӣ мерасад.

ЧАРО ШИНОХТИ ТОЛИБХОН ШАҲИДӢ МУҲИМ АСТ?

Мутаассифона, дар ҷомеаи мо бисёр вақт шинохти чунин шахсиятҳо танҳо дар доираи мутахассисон маҳдуд мемонад. Ин дар ҳолат, ки осори Толибхон Шайидӣ метавонад барои худшиносии фарҳангии ҷомеа аҳамияти бузург дошта бошад.

Дар мусиқии ӯ рӯҳи тамаддуни ҳазорсолаи тоҷикон таҷассум ёфтааст. Вай на танҳо композитор, балки тарҷумони маънавии фарҳанги мост. Мақом, шеър, фалсафа ва тафаккури шарқӣ дар осори ӯ ба забони мусиқии симфонӣ табдил ёфтаанд.

Аз ин рӯ, донишмандон эҷодиёти ӯ танҳо шиносӣ бо як бастакор нест, ин шиносӣ бо як ҷаҳонбинии фарҳангист.

ДАР САҲНАҲОИ ҶАҲОНӢ

Толибхон Шайидӣ танҳо як бастакори муваффақ нест. Ӯ яке аз шахсиятҳои тоҷикӣ, ки мусиқии тоҷикро ба сатҳи ҷаҳонӣ баровард. Дар нимаи дууми асри XX, вақте ки фарҳангҳои миллий роҳи худро дар фазои ҷаҳонӣ меҷустанд, Шайидӣ тавонист мусиқии тоҷикро бо забони симфонии байналмилалӣ муаррифӣ намояд.

Дар осори ӯ анъанаҳои қадимаи мақом, оҳангҳои мардумӣ ва мероси адабиёти классикии форсӣ-тоҷикӣ бо шаклҳои муосири мусиқии симфонӣ пайваст мешаванд. Ин омезиш

на танҳо ба мусиқии ӯ ранги миллий хос медиҳад, балки онро барои шунавондаи ҷаҳонӣ низ фаҳмо ва ҷолиб мегардонад.

Асарҳои Толибхон Шайидӣ дар саҳнаҳои маъруфи ҷаҳон иҷро шудаанд ва аз ҷониби дирижёрҳо ва оркестрҳои машҳур пазируфта шудаанд. Ҳар иҷрои чунин асарҳо дар асл муаррифии фарҳанги тоҷик ба ҷомеаи ҷаҳонӣ мебошад.

Аз ин ҷиҳат, фаъолияти ӯро метавон як навъи дипломатияи фарҳангӣ номид. Зеро тавассути мусиқии ӯ ҷаҳон бо тамаддун, таърих ва рӯҳи фарҳанги тоҷикон ошно мегардад.

Дар айнаи замон, барои рушди мусиқии дохилии Тоҷикистон низ саҳми ӯ муҳим аст. Осори ӯ ба насли ҷавони композиторон нишон медиҳад, ки ҷи гуна метавон анъанаҳои миллиро нигоҳ дошта, ҳамзамон ба фазои фарҳанги ҷаҳонӣ ворид шуд.

Ҳамин тавр, эҷодиёти Толибхон Шайидӣ танҳо ба як давраи таърихӣ тааллуқ надорад. Он ба мероси фарҳангии миллат табдил ёфтааст – меросе, ки метавонад ҳам барои худшиносии миллий ва ҳам барои муаррифии Тоҷикистон дар ҷаҳон хизмат кунад.

ДИПЛОМАТИЯИ ФАРҲАНГӢ

Дар асри XXI қудрати фарҳангӣ барои ҳар миллат аҳамияти бузург дорад. Давлатҳо на танҳо бо иқтисод ва сиёсат, балки бо фарҳанг ва ҳунари худ низ шинохта мешаванд.

Ба ин маъно, осори Толибхон Шайидӣ яке аз воситаҳои муҳимтарини дипломатияи фарҳангии Тоҷикистон мебошад. Вақте ки оркестрҳои бузургӣ ҷаҳон асарҳои ӯро иҷро мекунанд, дар баробари мусиқӣ номи Тоҷикистон низ садо медиҳад.

Ин навъи муаррифӣ – ором, зебо ва таъсирбахш ва пурқувваттар аз дигар навъи таблиғот аст. Мусиқӣ забони умумии башарият аст ва маҳз тавассути он миллат метавонад худро ба ҷаҳон муаррифӣ кунад.

МЕРОСЕ БАРОИ ОЯНДА

80 сол барои як инсон роҳи пурпечуб аст, вале барои эҷодиёт ин танҳо як марҳила мебошад. Осори Толибхон Шайидӣ аллакай ба бахше аз мероси фарҳангии миллат табдил ёфтааст.

Муҳим он аст, ки ин мерос танҳо дар бойгонӣ боқӣ намонда. Он бояд омӯзонида шавад, иҷро гардад, шарҳ дода шавад ва ба насли ҷавон расад. Танҳо дар ин сурат мо метавонем аз ин ганҷи маънавӣ баҳраманд шавем. Зеро миллате, ки ҳунармандони бузургӣ худро мешиносад ва қадр мекунад, метавонад фарҳанги худро дар ҷаҳон муосир бо ифтихор муаррифӣ намояд.

Аз ин рӯ, 80-солагии Толибхон Шайидӣ танҳо бузургдошти як бастакори барҷаста нест. Ин ҷашни фарҳанг, ҷашни мусиқӣ ва ҷашни худшиносии миллий мост.

Шариф ҲАМДАМПУР

Александр Чайковский,

композитор, Председатель Совета Союза композиторов России

Третий концерт для фортепиано Толиба Шахиди, безусловно, является одним из самых ярких творческих достижений композитора. Эта музыка словно рождена в пространстве и написана на одном дыхании — она захватывает слушателя и увлекает его с первых звуков. На мой взгляд, это произведение способно звучать в любой точке мира и может стать настоящим украшением любого международного музыкального фестиваля.

Амирбеки Мусо,

раиси Иттифоқи композиторони Тоҷикистон

Устод Толибхон Шахидӣ дар мусиқии касбии ҷаҳонӣ мақому ҷойгоҳи ҳосаи худро доранд.

Толибхон Шахидӣ дар таърихи мусиқии касбии тоҷик ва мусиқии ҷаҳонӣ ҳамчун оҳангсози наво-вару навҷӯ машҳур гардидааст. Ӯ дар мусиқӣ ҳамчун файласуф эфирроф шудааст. Аз ин рӯ, мусиқии эҷоднамудаи ӯро бояд дарк кард ва шунид!

Аз номи Раёсати Иттифоқи композиторони Тоҷикистон Шумо азизро ба ифтихори ҷашни ҳуҷастаи 80-солагиатон бо ихлосу эҳтироми бепоён муборакбод меғӯям ва ба қорҳои эҷодиятон қомебиҳои бештар таманно дорам.

МУЗЫКА НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Однокурсники Толибхон Шахиди и Александр Чайковский

Имя Толибхона Шахиди занимает особое место в истории современной таджикской музыкальной культуры. Продолжая традиции национальной композиторской школы и опираясь на опыт европейской академической музыки, он создал художественный мир, в котором органично соединяются музыкальные традиции Востока и Запада.

Фигура Толибхона Шахиди занимает особое место на небосклоне таджикской музыкальной культуры. Сын одного из основателей профессиональной композиторской школы республики - Зиядулло Шахиди, Толибхон получил блестящее музыкальное образование в Московской государственной консерватории, где учился в классе выдающегося композитора Арама Ильича Хачатуряна.

В его музыке отчетливо проявляются лучшие тенденции взаимопроникновения культур Востока и Запада. Перу композитора принадлежат многочисленные произведения в самых разных жанрах - от камерно-инструментальной до оперно-симфонической музыки. Широкую известность получила и его музыка для кино.

В 1970–1980-е годы творчество Толибхона Шахиди, наряду с произведениями таких композиторов, как Ф. Бахор, З. Миршакар, Ш. Пулоди, Т. Сатторов, стало важной частью расцвета таджикской композиторской школы.

Вместе с тем композитор известен своей активной культурной и общественной деятельностью. После участия в Международном конкурсе современной музыки в Нью-Джерси (США), где он вместе с А. Чайковским представлял советскую компози-

торскую школу и был удостоен второй премии, Толибхон Шахиди был назначен директором Таджикского государственного академического театра оперы и балета имени С. Айни (1987–1989), а затем заместителем министра культуры республики (1989–1991).

Как музыкальный деятель он выступал организатором фестивалей и концертных программ, обновлял репертуар театра и стремился широко открыть культурное пространство республики для знакомства с европейской музыкальной культурой. Когда же эти возможности оказались ограничены, Толибхон Шахиди создал собственный камерный оркестр и сам встал за дирижёрский пульт, чтобы восполнить недостаток

звучания классической музыки в стране.

После распада Советского Союза и начала гражданской войны в Таджикистане многие представители творческой интеллигенции покинули страну. Однако Толибхон Шахиди мужественно вернулся в разорённую республику и продолжил дело всей своей жизни: сочинял музыку, находил возможности для её исполнения и активно пропагандировал таджикскую музыкальную культуру как в стране, так и за её пределами.

Кроме того, композитор регулярно выступает с мастер-классами в странах Европы и Азии, продолжая делиться своим творческим опытом и представлять миру богатство таджикской музыкальной традиции.

Лола ДЖУМАНОВА,
доцент кафедры теории музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

Инесса Гульзарова,
Заслуженный работник культуры Республики Узбекистан

Толибхон Шахиди – творец-художник, способный сказать свое слово о времени и о том, что его волнует. Встреча с его музыкой – это, как правило, духовный контакт с личностью, глубоко и серьезно размышляющей о главном и вечном, возрождающей прошлое, соединяющей его с настоящим. Ему свойственно стремление к органичной соразмерности формы, мелодически содержательному тематизму и неотрывной связи с родной почвой, историей и культурой.

Безусловно, в его музыке слышна прежде всего его таджикская душа. Мне думается, он не стремится отобразить в своих произведениях Таджикистан – он просто живет в его крови и дыхании. Композитор восхищается таджикской культурой, боготворит таджикский фольклор, и в то же время его музыка предельно индивидуальна, несмотря на то что Таджикистан и Толибхон Шахиди неразделимы.

Он сумел создать свой стиль и сказать свое слово в универсальной музыкальной культуре XX – начала XXI века.

Авторский концерт Толибхона Шахиди в Большом зале Московской Консерватории имени П.И. Чайковского, 29 апреля 2021 года

Гульсифат Шахиди

Накануне юбилея композитора Толибхона Шахиди его супруга, писательница Гульсифат Шахиди, делится воспоминаниями о прожитой вместе жизни – о любви, терпении и судьбе рядом с человеком большого таланта.

Накануне юбилея Толибхона Шахиди меня попросили написать эту статью. Честно говоря, я никогда не любила говорить публично о своей семейной жизни. Моя семья, мой дом – это моя крепость. О трудностях и переживаниях я могла рассказать лишь самым близким людям. В семье я была строгой, любила порядок во всём. Наверное, потому, что всю жизнь живу с «беспорядочным гением» – так я иногда называю своего мужа.

В прессе я редко рассказываю о муже, детях и нашей семейной жизни. Мой муж – человек публичный. О нём можно найти немало информации, прежде всего о его творчестве. Сам он тоже старается скромно обходить разговоры о семье и переводить их на музыку.

Мы прожили вместе более пятидесяти лет. Дай Бог прожить ещё. Три сына и тринадцать внуков – это родник нашего счастья.

Многие, кто не знает меня близко, считают, что моя колыбель будто упала с небес: мол, дочь министра торговли республики, вышла замуж за знаменитого композитора. Но всё было не так просто. Я родилась в семье студента. Папа учился

ИСПОВЕДЬ ДУШИ

**«ВСЮ ЖИЗНЬ Я ЖИВУ РЯДОМ С
“БЕСПОРЯДОЧНЫМ ГЕНИЕМ” - ТАК ИНОГДА
ШУТЛИВО НАЗЫВАЮ СВОЕГО МУЖА»**

в Санкт-Петербурге, мама поехала с ним, и там, в зимнюю новогоднюю ночь, я появилась на свет. Отец называл меня «моя ленинградка». Министром он стал много позже. А когда я выходила замуж, он уже не занимал этой должности. И мой будущий муж тогда был всего лишь выпускником Московской консерватории, недавно вернувшимся из армии. Известность пришла к нему позже. К его вершинам мы поднимались вместе.

Думаю, что всем, кто прожил долгую жизнь рядом с творческим и одарённым человеком, было нелегко. Бабушка Марфуа – внучка хранителя печати эмира Бухары – учила меня терпению. Мама Масрурахон – любви. Свекровь Мархабохон стала для меня примером мудрости и достоинства. Но больше всего меня учила сама жизнь.

Если бы не мама, я, наверное, не окончила бы университет. На третьем курсе я вышла замуж, и двух моих сыновей вырастила именно она. Но жизнь мамы оказалась короткой. И я до сих пор корю себя за то, что думала больше об учёбе и своём будущем, чем о её здоровье. Каюсь перед Богом и прошу у Него милости.

После ухода мамы отец больше не женился. Позже у меня родился третий сын. Так сложилось, что в нашей семье я была единственной женщиной. Я ухаживала за отцом до конца его жизни. Толиб был полностью погружён в творчество, дети росли и учились, и вся забота о доме легла на меня. Я понимала: если правильно воспитать детей, то смогу не только облегчить свою жизнь, но и двигаться вперёд.

И мне это удалось. Сегодня мои

сыновья – Табриз, Хофиз и Фирдавс – мои крылья, моя опора и поддержка. Сегодня я тоже занялась творчеством – пишу прозу. Мои книги издаются на шести языках мира, я получила ряд отечественных и международных наград. Своему писательскому мастерству во многом училась у Толибхона. Он писал ночами напролёт – и я теперь часто работаю ночью.

Сыновья Толибхона Шахиди: Табриз, Хофиз и Фирдавсхон

Мне приятно, что он ценит меня и всегда подчёркивает мою роль в его жизни и успехах. А дети сегодня поддерживают нас во всём.

Потому что никакие деньги не заменят любви.

Никакие дворцы не заменят семейного уюта.

И никакая роскошь не заменит тепла домашнего очага.

**Гульсифат Шахиди,
Москва, 13 марта 2026 года**

Хофиз Шахиди

Мой отец, Толибхон Шахиди, для меня — настоящая школа жизни, школа мысли и духовного поиска.

Для него музыка — не просто искусство, не просто профессия или форма самовыражения. Это путь к познанию человека, его внутреннего мира и тайн мироздания. В его произведениях всегда ощущаются спокойствие, терпение, глубина размышления и особая духовность, словно каждая нота несёт в себе след долгого внутреннего поиска.

Музыка моего отца побуждает слушателя вслушаться в самого себя, остановиться среди суеты и задуматься о смысле жизни. Она помогает найти ответы на те вопросы, которые человек порой не решает произнести вслух. Это не просто звучание — это диалог между человеческим сердцем и вечностью.

Именно поэтому его творчество выходит далеко за рамки обычного художественного произведения. Вероятно, этим и объясняется его обращение к поэзии Омара Хайяма, Мавлави Балхи, Авиценны и других великих мыслителей таджикско-персидской духовной традиции. В их строках он находил созвучие своим размышлениям о жизни, времени и судьбе человека. Для него музыка всегда была поиском скрытого смысла — попыткой услышать истину за каждой нотой и открыть её в глубине каждого звука.

ОҲАНГСОЗЕ, КИ МУСИҚИИ ТОЧИКРО БА САҲНАИ ҶАҲОН БУРД

Қудратуллоҳ Яхёзода,
Хунарманди халқии Тоҷикистон,
барандаи Ҷоизаи давлатии ба
номи А. Рӯдакӣ, профессор.

Соли 2026 барои фарҳанги Тоҷикистон санаи муҳим аст. Бастакори маъруф, Хунарпешаи халқии Тоҷикистон Толибхон Шаҳидӣ ба синни мубораки 80 мерасад. Ин солгарди як шахсияти барҷастаи мусиқӣ, фарзанди арзандаи миллат ва эҷодкори сатҳи ҷаҳонӣ мебошад, ки осораш на танҳо дар Тоҷикистон, балки дар саҳнаҳои бонуфузи ҷаҳон садо медиҳад.

Толибхон Шаҳидӣ барои ман танҳо як композитори маъруф нест. Ӯ дӯсти дерина, ҳамради айёми ҷавонӣ ва ҳамсафари роҳи эҷодӣ мебошад. Аз ин рӯ, ҳар боре, ки дар бораи ӯ сухан мегӯям, пеши назарам на танҳо чеҳраи устоди мусиқӣ, балки симои инсонии самимӣ ва ҷўяндаи ҳақиқӣ пеш меояд.

Мо ҳар ду дар як маҳалла ба воя расидаем, аммо дар кӯдакӣ чандон ошно набудем. Шиносоии мо баъдан, ҳангоми таҳсил дар Омӯзишгоҳи мусиқии Душанбе сурат гирифт. Устод Зиёдулло Шаҳидӣ ба ман маслиҳат доданд, ки ҳуҷҷатҳоямро ба ин боргоҳи ҳунар супорам. Ҳамин тавр, ман донишҷўи омӯзишгоҳ шудам ва дар он ҷо бо Толибхон ҳамкурсу ҳамсафари эҷодӣ гардидем.

Дар омӯзишгоҳ мо таҳти роҳбарии устодони номдор – Ю.Г. Тер-Осипов, М. Светаев, М. Атоев ва Г. Александров таҳсил мекардем. Ин давра барои мо мактаби воқеии ҳунар буд.

Ҳар субҳи барвақт ман бо Толибхон ва Заррина Миршакар соати панҷи саҳар ба омӯзишгоҳ меомадем. То оғози дарсҳо дар синфхонаҳои мусиқӣ тамрин мекардем. Барои истифодаи пианино ҳатто навбат меистодем, зеро ҳар кас мехост бештар машқ кунад. Ин шавқу ҳаваси омӯзиш барои мо як мактаби ҳақиқии эҷодӣ гардид.

Сипас мо ба Маскав рафтем. Толибхон аввал дар синфи Сергей Ба-

«МУСИҚИИ ТОЛИБХОН ШАҲИДӢ БО НАЗМИ КЛАССИКИИ ТОҶИКУ ФОРСӢ ҲАМСАДО БУДА, ДАР ОН ЭҲСОСОТИ ЗАМИНӢ ВА АНДЕШАҲОИ ОСМОНӢ ПАҲЛӢӢ ҲАМ МЕИСТАНД».

ласанян таҳсил кард, баъдан назди Андрей Эшпай ва ниҳоят назди устоди бузург Арам Хачатурян. Барои ӯ шогирди чунин устоди барҷаста шудан бахти бузург буд.

Дар ҳамин давра симои эҷодии Толибхон ҳамчун композитори ҷавони навҷу шакл гирифт. Ӯ асарҳои зиёдеро дар жанрҳои гуногуни мусиқии касбӣ эҷод намуд. Яке аз онҳо асари «Мақом барои оркестри торӣ ва фортепиано» буд, ки дар озмуни байналмилалӣ оркестрҳои камераии донишҷўён садо дода, таваҷҷуҳи шунавандагонро ба худ ҷалб кард.

Дар солҳои таҳсил мо дар муҳити эҷодии Маскав зиндагӣ мекардем. Дар хобгоҳи Консерваторияи давлатии Маскав вақт донишҷўёни тоҷик ҷамъ мешуданд. Дар он ҷо суҳбатҳо, баҳсҳои эҷодӣ ва орзуҳои бузурги ҷавонӣ моро муттаҳид мекарданд.

Устод Хачатурян ҳамеша моро ба ҳустуҷўи роҳи ҳоси ҳудамон дар мусиқӣ ташвиқ мекарданд. Ӯ мегуфт, ки ҳар як композитор бояд «ман»-и эҷодии худро пайдо кунад. Ин суҳбатҳои Толибхон Шаҳидӣ роҳнамои муҳим гардиданд. Ӯ тавонист дар жанрҳои гуногуни мусиқии касбӣ асарҳои пурмазмун ва амиқ эҷод намояд.

Дар байни онҳо симфонияҳо, операҳо, балетҳо, концертҳо барои соҳиби гуногун, мусиқӣ барои театр ва кино ҷойгоҳи муҳим доранд. Симфонияҳои «Тоҷикон», «Абуалӣ Сино», «Мақомот», достони симфонии «Са-

до» ва бисёр асарҳои дигар аз намунаҳои барҷастаи мусиқии муосирӣ тоҷик маҳсуб меёбанд.

Дар жанри опера низ ӯ асарҳои ҷолиб офаридааст. Аз ҷумла, операҳои «Посбони оташ», «Амир Исмоил», инчунин як қатор операҳои кӯдакона – «Халиф-Лаклак», «Моҳруй ва Аждаҳо», «Себҳои сеҳрнок» ва «Биникӯтала».

Мавқеи муҳимро дар эҷодиёти ӯ балетҳо ишғол мекунанд. Балетҳои «Спитамен», «Юсуф ва Зулайхо», «Рубоӣҳои Хайём», «Сиёвуш», «Форс: қиссаи ишқи абадӣ» ва дигар асарҳо аз дастовардҳои назарраси мусиқии саҳнавии тоҷик ба шумор мераванд.

Бастакор аз ганҷинаи мусиқии халқӣ илҳом мегирад. Дар увертюраҳои «Идона» ва «Тоҷикистон» ӯ аз оҳангҳои мардумӣ бо маҳорати баланд истифода бурдааст.

Имрӯз асарҳои Толибхон Шаҳидӣ дар толорҳои бонуфузи ҷаҳон садо медиҳанд. Онҳоро дирижёрҳо ва навозандагони машҳури ҷаҳон иҷро мекунанд. Мусиқии ӯ дар ИМА, Аврупо, Русия, Эрон, Туркия ва бисёр кишварҳои дигар шунида мешавад.

Дар тӯли фаъолияти эҷодии беш аз панҷоҳсола ӯ тавонист дар фарҳанги мусиқии муосир ҷойгоҳи ҳоси ҳудро пайдо кунад. Осораш бо навоарӣ, рангорангии оҳангҳо ва эҳсоси амиқии инсонӣ фарқ мекунанд.

Дар охир мехоҳам ба ӯ чунин бигӯям: бигзор он қанотҳое, ки бо меҳнати истеъдоди худ дар осмони мусиқӣ ба даст овардаӣ, туро ба парвозҳои боз ҳам баландтар расонанд.

Камолитдин Сайфиддинзода,

Директор Таджикского государственного академического театра оперы и балета имени Садриддина Айни:

От имени коллектива театра и от себя лично я имею честь поздравить с юбилеем титана современной музыки, Народного артиста Таджикистана Толибхона Шахиди. Для меня это поздравление носит глубоко личный характер. Наши семьи связаны прочными нитями общей истории и служения искусству.

Мой отец, композитор Шарофиддин Сайфиддинов, и отец Маэстро - великий Зиёдулло Шахиди - были не только выдающимися музыкантами и Народными артистами нашей республики, но и близкими друзьями и соратниками. Они вместе закладывали фундамент профессиональной таджикской классической музыки. Сегодня, продолжая их дело, я испытываю особую гордость и ответственность за сохранение этой творческой традиции.

«БЫТЬ СОВРЕМЕННОМ ТОЛИБХОНА ШАХИДИ - БОЛЬШАЯ ПРИВИЛЕГИЯ. ЕГО МУЗЫКА - ЭТО ДИАЛОГ ЭПОХ И КУЛЬТУР, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ ТАДЖИКСКУЮ МУЗЫКАЛЬНУЮ ТРАДИЦИЮ ПОНЯТНОЙ И БЛИЗКОЙ ВСЕМУ МИРУ»

Для нашего театра сотрудничество с Толибхоном Шахиди всегда означает новый художественный уровень. В репертуар вошли такие крупные балетные постановки, как «Сюита грёз», «Персия: история вечной любви» и «Тающая красота». Последний балет стал мощным художественным откликом на международную инициативу Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по сохранению ледников. Музыка Толибхона Шахиди - это масштабное художественное мышление, в котором классическая симфоническая традиция соединяется с богатым колоритом Востока. Его международное признание и работа с ведущими оркестрами мира - предмет гордости всей нашей нации.

Гульнора Амиршоева,
журналист

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАУЧИЛ МЕНЯ СЛУШАТЬ МУЗЫКУ

Я знаю Толиба Зиядуллоевича не по афишам и программкам. Я знаю его по интонации голоса, по долгим паузам в разговоре, по тому, как он слушает — не только музыку, но и людей. Иногда рядом с ним хочется просто помолчать, потому что он и так всё понял.

В его доме музыка никогда не была громкой. Она не требовала внимания и не давила авторитетом. Она жила глубже — во взгляде, в движениях, в той особой сосредоточенности, с которой он может остановиться посреди фразы, словно прислушиваясь не к собеседнику, а к себе. Возможно, поэтому его музыка так философична: она обращена не к внешнему эффекту, а к внутреннему состоянию человека.

«РЯДОМ С ТОЛИБОМ ЗИЯДУЛЛОЕВИЧЕМ ХОЧЕТСЯ БЫТЬ НЕ ГРОМЧЕ И ЗАМЕТНЕЕ, А ЧЕСТНЕЕ. ЕГО ПРИСУТСТВИЕ СЛОВНО ВОЗВРАЩАЕТ ЧЕЛОВЕКА К САМОМУ СЕБЕ».

Я знаю Толиба Зиядуллоевича не по биографическим справкам. Я знаю его по тому, как он может долго смотреть в окно, словно слушая движение времени. Он говорит немного, но так, что каждое слово остаётся внутри надолго. Его музыка устроена так же: она не торопится, не требует немедленного отклика, не стремится понравиться. Она ждёт, когда слушатель будет готов её понять.

В произведениях Толибхона Шахида особенно остро ощущается человеческая интонация. В них слышен не только композитор, но и человек, умеющий быть наедине с собой. В них много пауз — тех самых, которые он ценит в разговоре. Эти паузы не пустые: в них размышление, сомнение, принятие. Иногда кажется, что музыка тихо говорит: «Не спеши. Побудь здесь».

Я часто ловлю себя на мысли, что рядом с ним хочется быть лучше — не громче и не заметнее, а честнее. В его присутствии исчезает суэта, и человек словно возвращается к самому себе. Возможно, именно поэтому его музыка так действует: она не развлекает, она сопровождает внутренний путь. После общения с ним меняется темп жизни — хочется говорить тише, думать глубже и внимательнее относиться к словам. Это редкое качество — влиять не через наставления, а через само присутствие.

Особое место в жизни Толибхона Шахида занимает его супруга — Гульсифат Шахида. Для меня она всегда была примером тихой и глубокой верности. Её роль невозможно назвать просто поддержкой — это была жизнь, отданная человеку,

его пути и его музыке. Она создавала пространство покоя, где он мог быть не композитором с мировым именем, а просто человеком. Её любовь — спокойная, недемонстративная, терпеливая — во многом стала той тишиной, из которой рождалась его музыка.

Для мира Толибхон Шахида — один из крупнейших композиторов Центральной Азии, продолжатель большой культурной традиции. Для меня — человек, чьё молчание иногда важнее слов и чья музыка является продолжением его человечности.

Его музыка остаётся как состояние, к которому хочется возвращаться — как разговор без слов, как присутствие, которое не требует доказательств. И, возможно, в этом и заключается его главное искусство — научить слушать музыку.

Хасанова М.,
доктор исторических наук

МАЭСТРО, СОХРАНИВШИЙ МУЗЫКУ В ТРУДНЫЕ ГОДЫ

В сложные для Таджикистана 1990-е годы, когда культурная жизнь страны переживала серьёзные испытания, важную роль в сохранении и развитии музыкального искусства сыграл композитор Толибхон Шахида. Его деятельность стала ярким примером служения культуре и духовным ценностям общества.

Музыкальная жизнь Таджикистана в 1990-е годы переживала непростое время. Казалось, что в условиях кризиса реализовать крупные творческие проекты почти невозможно. Однако именно в этот период значительную роль в поддержании культурной жизни страны сыграл композитор Толибхон Шахида.

В трудные для республики годы особенно ярко проявилась его многогранная личность. Продолжая собственную творческую работу, он придавал большое значение развитию концертной деятельности и популяризации музыкального искусства.

По инициативе маэстро были организованы значимые культурные события: Первый международный конкурс артистов

балета имени Малики Сабировой, Международный фестиваль «Приношение Моцарту», конкурс пианистов к 100-летию Сергея Прокофьева, концерты известного пианиста Владимира Шкарупы и другие проекты.

«ДАЖЕ В САМЫЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ МУЗЫКА НЕ ДОЛЖНА УМОЛКАТЬ - ОНА ПОДДЕРЖИВАЕТ ДУХ НАРОДА».

В те же годы Толибхон Шахида объединил музыкантов оркестра Государственного академического театра оперы и балета имени С. Айни и Таджикской государственной филармонии, создав камерный оркестр «Гармония мира». Его концерты стали регулярными, а в программах звучали произведения мировой классики и сочинения таджикских композиторов.

Композитор, дирижёр и организатор музыкальной жизни, Толибхон Шахида и сегодня остаётся вдохновителем многих культурных инициатив, превращая свои идеи в яркие события, которые надолго остаются в памяти ценителей искусства.

Владимир Соловьёв:

КОГДА НА СЦЕНЕ ЗВУЧИТ ГЕНИЙ

Сегодня необычный и очень волнительный вечер. Волнительный — потому что сегодня вы услышите музыку, в которой рядом с голосами Шостаковича и Кара-Караева прозвучат тонкие напевы дудука. И, слушая её, вы невольно вспомните о том, кто был тем самым Учителем, любимый ученик которого сегодня собрал всех нас в этом зале.

Вы увидите на сцене людей, которых объединила не только любовь к выдающемуся композитору, но и уважение к тому глубокому культурному наследию, которое мог породить только настоящий таджик.

К сожалению, сегодня нередко люди, оглядываясь на прошлое, пытаются оценивать огромный, сложный, колоссально необычный исторический опыт исключительно с точки зрения сегодняшнего дня. Это примерно то же самое, как зайти в библиотеку, увидеть на полке большой старый фолиант — пыльный, тяжёлый — и пройти мимо. А ведь чтобы понять его ценность, нужно остановиться, взять его в руки, раскрыть и удивиться богатству мыслей, красоте слов и глубине содержания.

Таджикский народ — великий народ, который может гордиться своим богатым историческим и культурным наследием. Его история знала очень непростые этапы. Но был один особенно важный момент для многих из нас — для людей, выросших в Советском Союзе, который стал домом для представителей разных народов и культур.

Наверное, если бы не трагедия Великой Отечественной войны, если бы Таджикистан не раскрыл тепло своих сердец и уют своих домов для тысяч людей, приехавших туда и нашедших там вторую родину, возможно, не появился бы этот необычный, совершенно удивительный феномен современной музыки — Толибхон.

Мне, человеку, который всю жизнь работает со словом, трудно даже представить, что должно происходить в душе композитора, чтобы видеть окружающую реальность таким многоголосием. И речь здесь не только о технике, которой можно научиться. Речь идёт о внутреннем видении.

Те люди, которые сегодня собрались в этом зале, казалось бы, совершенно не могли оказаться вместе в одном месте. Одессит, американец по происхождению, блестяще говорящий по-русски, который однажды влюбился в музыку Толибхона — и поэтому сегодня будет дирижировать. Вазген — один из самых технических, самых недооценённых и при этом блестящих пианистов. Вы увидите на этой сцене представителей разных стран, разных культур, разных национальностей. Потому что музыка Толибхона Шахиди, при всей своей глубокой национальной природе, принадлежит всему человечеству. Она интернациональна, как любое подлинное произведение искусства.

Дорогой
Толиб Зинадуллоевич!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим
славным юбилеем — 90-летием!

Вы уже давно вошли в историю таджикской профессиональной музыки, составив в ней целую эпоху, обогатив её прекрасными, густо своими, мато своими, независимыми, омытыми, и вопреками ни севильскими, оркестра, на своем особенном, индивидуальном, само объясняемом оркестре.

Вы принадлежите к тому верному типу творческого создания, у которого есть отклик во времени и душевные, вас огнём настраивают забота, музыкант чужестранцем живёт нами в потаённом культурном общении, которые уклоняются в ценность этнической музыки, сохраняя привязанность, поднимает все, истонное человеческим творческим талантом.

Работах ещё на третьем веке, не хочется от души пожелать Вам здоровья, творческого задора, энергии и вдохновения — отсюда видно, как в музыкантско блестящем огне, проводим обаяние, так летонна — это говорит о том, что жива натянута струна творческая личности.

Ещё хочу сказать о том, что Музыканты очень гордятся Вами.

Я желаю Вам крепкого здоровья и новых творческих свершений.

С уважением,
Лока Толиб

ЗВУЧАЩАЯ ДУХОВНАЯ СИЛА

После авторского концерта Т. Шахиди с дирижёром и скрипачом Нахомом Эрлихом. Карлсруэ, Германия, 2005 год

— **Авторский вечер композитора Толиба Шахиди в Карлсруэ (Германия) стал заметным событием музыкальной жизни города. Концерт, состоявшийся во Дворце Готтезау, собрал музыкантов из разных стран и показал, насколько органично в музыке Шахиди соединяются духовная традиция Востока и европейская академическая культура.**

Музыкальное богатство и эмоциональная сила произведений Толиба Шахиди в исполнении молодых музыкантов из разных стран и выдающегося скрипача, профессора Нахума Эрлиха, привлекли внимание слушателей, заполнивших зал Дворца Готтезау. Эта музыка раскрыла перед публикой высокие достижения человеческой мысли и духовного поиска.

Композитор из Центральной Азии, продолжающий традиции музыкальных культур Востока и Запада, представил

программу, отличавшуюся яркой художественной индивидуальностью.

В Сонате №1 Толиба Шахиди, прозвучавшей в исполнении талантливой пианистки из Китая Шаи Чанг, слушатели услышали интонации и ритмы таджикского фольклора, оригинально и современно переосмысленные композитором. Яркое впечатление произвела и японская пианистка Раими Мацуэда, исполнившая Парафраз для фортепиано на темы оперы Зиядулло Шахиди «Комде и Мадан».

Особое внимание привлекла пьеса «Суфий и Будда» — этюд-картина для фортепиано, которую исполнила китайская пианистка Янг Янг. В её исполнении философский смысл произведения был передан тонко, созерцательно и почти медитативно.

Пианист Ян Дивоки из Чехии и немецкая флейтистка Бернадет Хиллер блестяще исполнили Сюиту для флейты и фортепиано «Речитативы Руми», передав глубокую духовную атмосферу этой музыки.

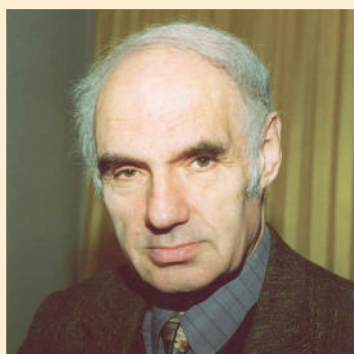
Завершил авторский вечер Толиба Шахиди скрипач и дирижёр Нахум Эрлих. Он проникновенно исполнил произведение «Контрасты» для скрипки и фортепиано, а также Концерт для скрипки с оркестром.

Несомненно, этот концерт стал настоящим открытием и необычным подарком для любителей музыки Карлсруэ, заполнивших зал Дворца Готтезау.

Ульрих Хартманн

Аҳмад Бобоқулов, Расул Ходизода, Шоиста Муллоҷонова, Мирсаид Миришакар, Зиёдулло Шаҳидӣ ва Барно Исҳоқова

Роман Леденёв,
Народный артист РФ, лауреат государственных премий, профессор Московской государственной консерватории, композитор:

Музыка Толиба всегда красива, ярка, и в ней бьётся сердце Востока и древней

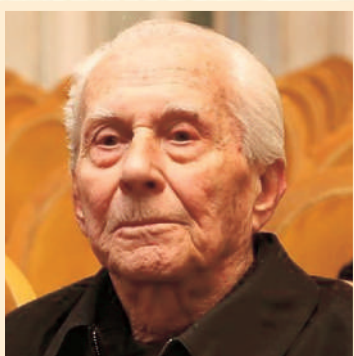
нации таджиков. И вместе с тем эта музыка с чертами всех людей на земле, и это делает её, мне кажется, понятной и дорогой каждому человеку, какому бы роду он ни принадлежал, где бы он ни жил, что бы он ни делал. Эту музыку надо слушать, и очень хорошо, что у нас есть сегодня такая возможность. Мы часто и раньше слушали музыку нашего дорогого коллеги на разных фестивалях, и это всегда большие, незабываемые впечатления. Толиб, я Вас поздравляю и жду от Вас новой музыки в большом количестве.

Владислав Агафонников,
Народный артист РФ, лауреат государственных премий РФ, профессор Московской государственной консерватории, композитор:

Я благодарю Толиба за то, что он мне подарил 30 лет! С тех пор как услышал «Празднество» в Братиславе. Тогда мы слушали ее с известным чешским композитором Ильей Зельенка. Он сказал: «Это выдающийся композитор». Это действительно так. И я должен

сказать, что музыку Толиба любят и ценят не только в России и Таджикистане, но и во всем мире. Я желаю светлого будущего его музыке, музыке высокого порыва.

Карэн Хачатурян,
Композитор, народный артист РСФСР, лауреат государственной премии СССР и РФ:

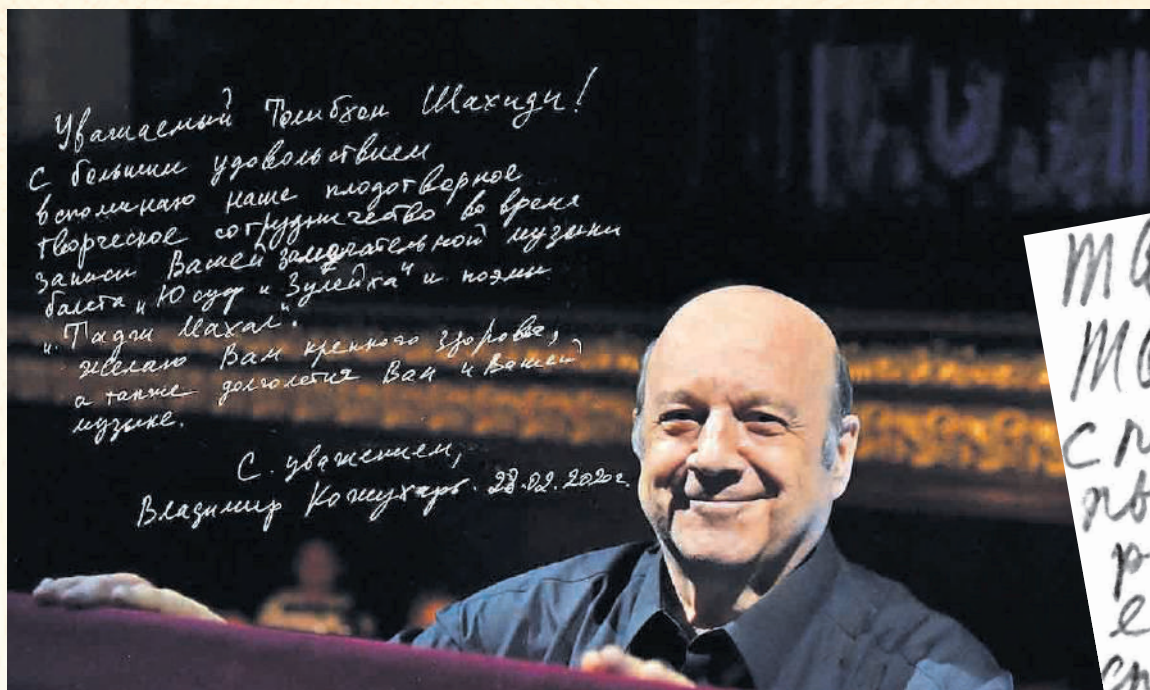
...Блестящий знаток музыки и поэзии, яркий самобытный композитор и поэт Зиёдулло Шаҳиди сумел воплотить и развить лучшие художественные традиции народов Востока в таких своих произведениях, как опера «Комде и Мадан», «Симфония Макомов», в великолепном романсе «Огонь любви».

Мирсаид Миришакар,
Шоири халқии Тоҷикистон

Азизам, Толибхон Шаҳидӣ!

Ин сахар «Рубоиёти Хайём»-ро, ки офаридаи Шумо ҳаст, бо камоли хушнудӣ тамошо кардам. Вақте ки намоиш ба поён расид, дар дил ба Шумо ҳазорон аҳсану офарин гуфтам.

«Рубоиёти Хайём» бояд сазовори шуҳрати бузург гардад, зеро Шумо тавонистед аз ганчинаи фарҳанги ҷаҳонӣ устодона ва бо завқи баланд баҳра баред. Муваффақияти эҷодии устодони мо – Садриддин Айни, Абулқосим Лоҳутӣ ва Мирзо Турсунзода низ дар ҳамин тавони пайванди миллӣ ва ҷаҳонӣ нуҳуфтааст. Бешубҳа, ин асари Шумо аз беҳтарин намунаҳои мусиқии муосири тоҷик аст. Ҳар касе, ки ин ҳақиқатро эътироф накунад, бар ҳолаш афсӯс бояд ҳӯрд.

Владимир Кожухарь
Дирижёр, народный артист РСФСР:

Уважаемый Толибхон Шахиди!

С большим удовольствием вспоминаю наше плодотворное творческое сотрудничество во время записи Вашей замечательной музыки балета «Юсуф и Зулейма» и поэмы «Тадж Махал». Желаю Вам крепкого здоровья, а также долголетия Вам и Вашей музыке.

28.02.2020

Володя Кабанов

Композитор:

На память о том времени, когда твои волосы были совсем чёрными, а окружающие ещё не знали, хотя и догадывались, что ты являешься достоянием мировой культуры!

3 июня 2006 года

Владимир Кожухарь
13.12.1974

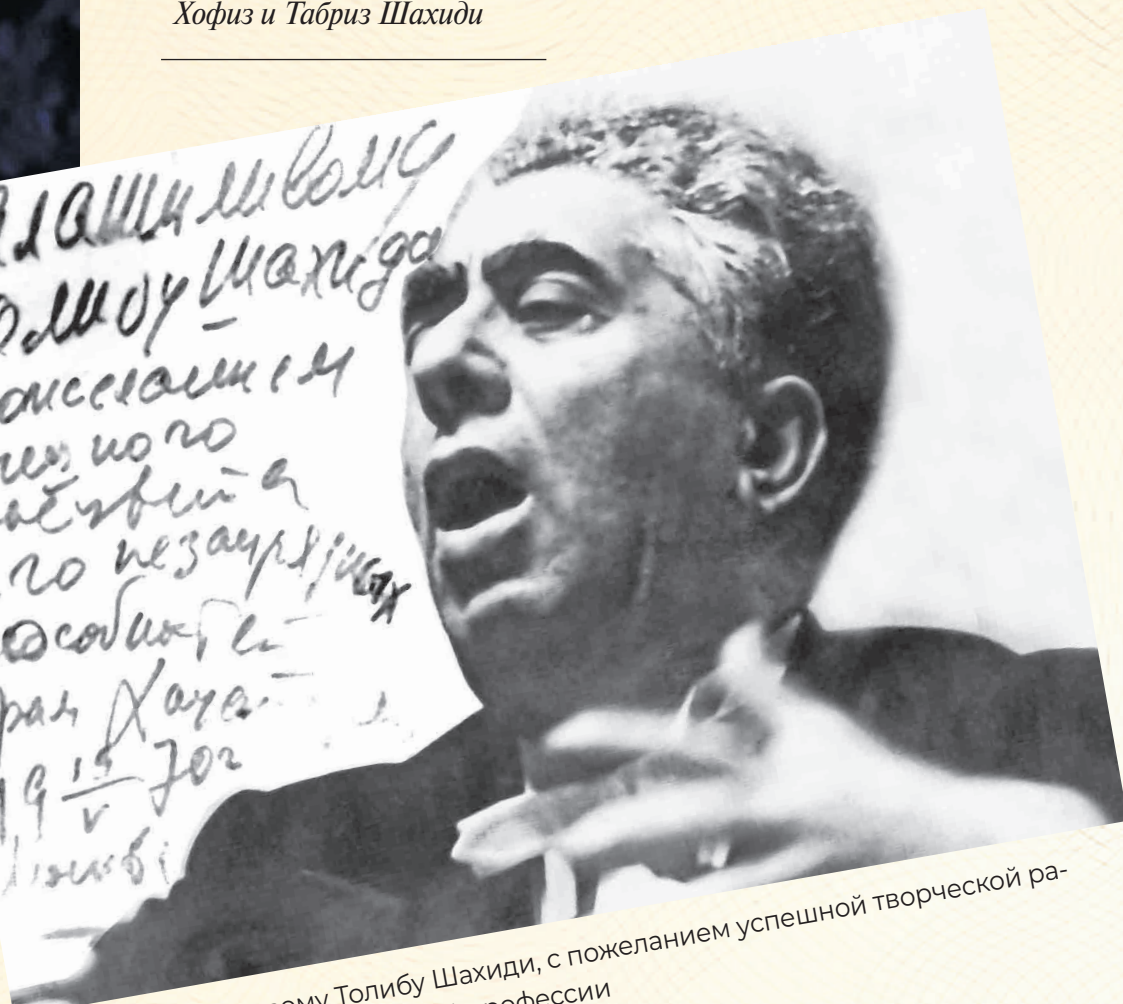
Толибу Шаҳидӣ
к 60-летию
На память о том
времени, когда твои
волосы были совсем
чёрными, а окружающие
ещё не знали, хотя и
догадывались, что
ты являешься
достоянием
мировой культуры.
Володя Кабанов
В.Х.
3 июня 2006 г.
Москва.

Дмитрий Шостакович,
композитор, Народный артист СССР:

Дорогому товарищу Шахиди
на добрую память.
13. XII.1974

Толибхон Шахиди, Валерий Гергиев,
Хофиз и Табриз Шахиди

Талантливому Толибу Шахиди, с пожеланием успешной творческой работы в его незаурядной профессии
Арам Хачатурян 19/V-70 г. Москва

**ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ, ГОСТЯМ
ТАДЖИКСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО
КОНКУРСА ПИАНИСТОВ ИМЕНИ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА**

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую вас в дни Первого Таджикского республиканского конкурса пианистов, посвященного 100-летию великого русского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева.

Проведение такого конкурса в Таджикистане свидетельствует о многом. Во-первых, о том, как выросла профессиональная музыкальная культура; во-вторых, еще раз доказывает, что музыка не знает границ — ни политических, ни географических, ни национальных.

Мне, как младшему современнику Сергея Сергеевича Прокофьева, чье творчество я с благоговением воспринимаю всю жизнь, особенно приятно приветствовать и напутствовать вас — учеников, студентов и педагогов из Таджикистана, пополнявших число поклонников гения Прокофьева.

В Таджикистане много талантливых композиторов. И отрадно, что их произведения, наряду с сочинениями Прокофьева, будут звучать в вашем исполнении в конкурсных программах.

Желаю вам, дорогие друзья, радости от участия в конкурсе имени Прокофьева, доброго здоровья, счастья, вдохновленного творческого труда.

Тихон Хренников
Тихон Хренников

12 декабря
1991

Валерий Гергиев,

народный артист Российской Федерации, художественный руководитель и генеральный директор Большого театра

...Есть огромное желание играть произведения ныне живущих композиторов-меня, конечно, очень радует возможность такого сотрудничества с Толибом Шахиди. И следующий шаг-сыграть несколько произведений в концертах для живой аудитории. У таджиков огромная Древняя культура. Таджики и осетины связаны общими корнями в далёком прошлом. Поэтому музыка Толиба Шахиди мне близка, и, наверное, не в последнюю очередь потому, что я сам имею определённое представление об истории и древней культуре своего народа...

**Мансуров Ҳомид
Ҳусейнович,**
академик

Толиб Зиёдуллоевичи
мӯҳтарам!

Музиқие ҳафт, ки ба би-сёриҳо, новобаста аз миллат ва синну сол, лаззат мебахшад. Ин музиқии классиқии

опера мебошад. Меҳоҳам мушоҳидаеро дар бораи писари худам ба сифати мисол биёрам. Маро бисёр нигарон мекард, ки ӯ вақти холиро дар гӯш кардани рок, хеви-метал ва амсоли инҳо мегузaronд. Ӯ садои музиқиро баланд гузошта, гӯш мекард. Ҳотто ба ҳаяҷон меомад, зуд ҳаста мешуд ва баъзан андаке ҳашмгин мегашт.

Вақте ки ман ба ӯ сабтҳои музиқии классиқии Шуморо вазъият ба таври кулӣ тағйир ёфт. Ӯ бо камоли майл онҳоро гӯш мекард ва бо ин амал ба ман низ лаззати бузург мебахшид.

Денис Мацуев,

Народный артист РФ,
лауреат государственной
премии РФ:

Толиб Шахиди абсолютно самобытный композитор, закончивший Московскую консерваторию у Арама Хачатуряна. В его музыке присутствует уникальная национальная колористика. Этот человек обладает огромным мелодическим даром, что проявляется ярко в его обширном репер-

туаре, где есть и симфонии, и оперы, и фортепианные концерты, и музыка к театральным и киноработам.

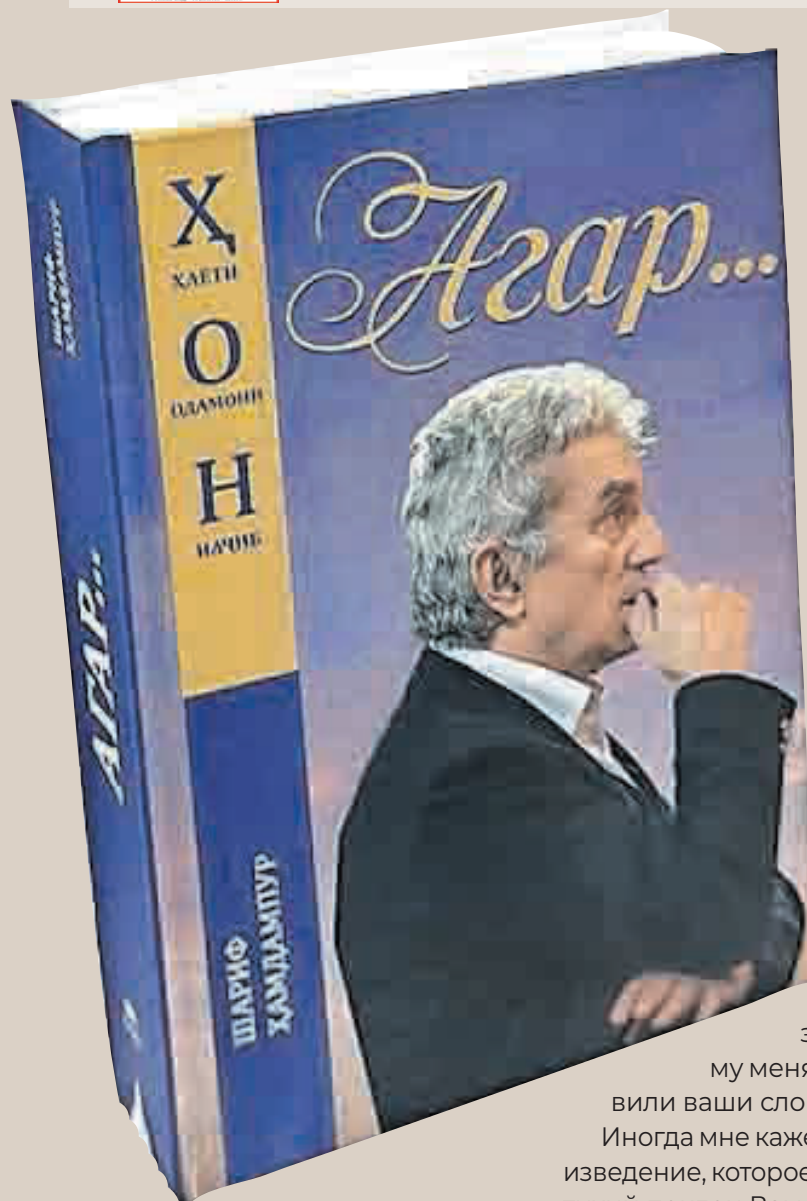

Заррина Миршакар,
композитор:

Дорогой Толиб!
Прими самые искренние поздравления с великолепным юбилеем!
Твоя музыка, вот уже на про-

тяжении многих лет звучит на мировых сценах, демонстрируя яркие, живописные произведения, в которых переплетаются национальные традиции с достижениями мировой композиторской школы. Твое творчество-это «музыкальный облик» Таджикистана!

Этот юбилей - 80-летие - говорит о мудрости, зрелости и огромной силе духа! Желаю тебе крепкого здоровья, оптимизма, благополучия и радости в каждом дне! И ждем новых ярких произведений. С юбилеем!

Арам Хачатурян:

ТОЛИБ, НЕ ТЕРЯЙТЕ ВРЕМЯ!

Отрывок из книги Шарифа Хамдампура «Агар...», посвящённой композитору Толибхону Шахиди. Книга вышла накануне 80-летнего юбилея маэстро и представляет собой автобиографический роман, в котором через воспоминания, размышления и внутренний монолог раскрываются его судьба, творческий путь и духовный мир.

Отец, Арам Хачатурян для меня был не просто громким именем, не только высокой вершиной в истории музыки, о которой пишут в книгах и говорят с почтением. Он был человеком, рядом с которым становилось ясно: музыка — это не ремесло и не украшение жизни, а её правда.

Он словно распахнул передо мной дверь, о существовании которой я прежде лишь догадывался. За той дверью не было ни страха, ни подражания. Там начинался трудный и честный путь поиска.

Арам Хачатурян никогда не говорил об этом назидательно. Но от него исходила тихая, строгая уверенность: ученик не должен становиться чьей-то копией и не имеет права жить в чужой тени. Настоящее ученичество начинается тогда, когда человек находит в себе мужество услышать собственный голос.

Он учил меня не только музыке. Он учил простоте и прямоте, внутренней дисциплине, ответственности перед тем звуком, который ещё не родился, но уже требует правды.

И постепенно я понял: в музыке, как и в жизни, каждая нота — это испытание, а каждый выбор — признание перед собственной совестью.

Отец, я сижу сейчас здесь и чувствую, как в сердце поднимается тихий, человеческий страх. Не громкий, не показной, а тот, который приходит в минуты откровения с самим собой. Достиг ли я той высоты любви, того труда, тех молитв и надежд, которыми вы окружали меня?

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь — это попытка оправдать эту веру. Но каждый раз я снова спра-

шиваю себя: исполнил ли я долг ученика, или всё ещё стою где-то на середине пути, между началом и тем далёким горизонтом, к которому меня когда-то направили ваши слова и ваша вера?

Иногда мне кажется: каждое произведение, которое я написал, — это тихий поклон Вам, моим наставникам, всем тем, кто когда-то показал мне дорогу и помог не сбиться с неё. Но бывает, сердце тревожно замирает: а вдруг этих поклонов всё ещё мало, вдруг они не способны в полной мере выразить ту благодарность, которую я ношу в себе?

Отец, если тишина этого кладбища умеет слышать, я скажу лишь одно: я по-прежнему ученик и останусь учеником до последнего дыхания.

Потому что ученичество не знает конца. Это путь, который продолжается всю жизнь, дорога, ведущая человека к той последней черте, где он, может быть, только начинает приближаться к праву называться учеником.

Отец, когда произносят слово «учитель», большинство представляет себе класс, сцену, раскрытую нотную тетрадь и мягкий свет лампы над пюпитром.

А для меня всё начинается иначе. Стоит мне назвать имя Арама Хачатуряна я прежде всего слышу голос. Слышу его интонацию, спокойную и уверенную, интонацию великого человека.

Потому что учительство — это не свод правил и не ремесло передачи знаний. Это направление жизни, тот внутренний компас, который однажды указывает путь — и уже не позволяет человеку свернуть с него.

Я был тогда молод. И всё же в душе жила уверенность: Москва однажды откроет передо мной дорогу к миру.

Но войти в храм искусства не так просто. К его дверям нельзя подойти случайно. Сначала нужно найти ключ. И это не ключ из металла — его нельзя выковать в кузнице. Он рождается в другом месте: в труде, в

терпении, в сердце, которое не знает сна и не перестаёт искать свой звук.

Когда я впервые вошёл в класс Арама Ильича Хачатуряна, мне вдруг стало ясно: передо мной стоит не просто педагог — передо мной стоит целая эпоха.

Перед первым его словом возникла короткая пауза. Она повисла в воздухе тонкой, почти незримой линией. И в этой паузе я почувствовал: детство осталось за порогом. Здесь начиналось другое пространство — место, где человек ищет и находит самого себя.

Учитель посмотрел на меня не тем взглядом, которым оценивают — понравился или нет. В его взгляде было другое: спокойное и внимательное испытание. Словно он спрашивал без слов: готов ли этот молодой человек к дороге, на которую собирается ступить?

Он говорил мало. Но каждое слово у него имело назначение — как нота, поставленная точно на своё место. В комнате царила особая, строгая тишина. Это была тишина человека, который многое пережил: славу и шум сцены, театры и гастроли, войну и тяжёлые испытания, восторженные аплодисменты и суровую критику. И всё же, пройдя через всё это, он остался самим собой и продолжал идти вперёд, не изменяя ни музыке, ни собственной совести.

Он не поучал и не читал наставлений, он задавал меру. Ту тихую, строгую меру, которую человек чувствует внутри себя. И этой меры я стараюсь не переступить до сих пор.

«Толиб, не теряйте время!»

Это было не просто сказано — это было написано. В углу редкой фотографии, его рукой, словно короткий автограф судьбы.

Потому что слово — это ветер у края губ, оно может исчезнуть вместе с дыханием. А написанное остаётся как след света на стене времени.

Эта фраза прозвучала тогда почти мимоходом, но в памяти легла так, будто её высекли в камне. Я понял: Учитель сказал её не для сегодняшнего дня — для всей жизни.

Для него время было не просто движением стрелок на циферблате. Время — это судьба. Время —

это ответственность. Время — это драгоценность, которую, однажды потеряв, уже никогда не найдёшь вновь, даже если у тебя есть талант и громкое имя.

Когда я вышел из его класса, мне вдруг стало ясно: отныне я не имею права жить как раньше.

На уроках он учил нас не только музыке, но и правде.

Он мог спокойно посмотреть на принесённую мной работу, немного помолчать, а потом положить палец на одну-единственную ноту и тем же тихим, но твёрдым голосом сказать:

— Здесь ты увлёкся внешней красотой и ушёл от сути.

Это не было ни упрёком, ни унижением. Скорее — тихим указанием дороги.

Он хорошо знал: когда не прячешь правду за внешней красотой, сама красота приходит следом.

После таких разговоров я возвращался к своей партитуре уже иначе. Я старался прежде всего найти в ней смысл и поставить его на первое место. Потому что постепенно понял простую вещь: всё, что рождается из души, уже несёт в себе красоту. Тогда я впервые ясно понял: музыка похожа на человека.

Если в ней нет правды, сколько ни украшай, она не оживёт. Сколько ни выстраивай «стиль», пустота останется пустотой.

Правду невозможно спрятать ни в слове, ни в ноте. Она либо есть и дышит, либо её нет и всё молчит.

Учитель внушил мне: прежде чем писать, ты обязан знать:

— что ты пишешь?

— кому ты пишешь?

— зачем ты пишешь?

Если ответа нет — лучше молчи.

Он относился к деталям жизни так же внимательно, как и к деталям музыки. Словно каждая нота для него была частицей совести.

Позднее, когда я перечитывал истории о «Спартаке», когда слушал, как критики говорили о драматургии его музыки, я уже не удивлялся. Я понимал: передо мной человек, который работал над каждым своим произведением так же упорно и терпеливо, как земледelec, вновь и вновь перепахивающий своё поле.

А «Танец с саблями»... История почти легендарная: написан за сут-

ки, отдан с шутиливой подписью — а открыл миру совсем другую дверь. Он ушёл со сцены одного балета и зажил самостоятельной жизнью: музыкой, которая не признаёт границ, покоряет слушателя и запоминается с первого удара сердца.

Сам Арам Хачатурян позднее, с присущей ему прямоотой, признавался: если бы он знал, что этот фрагмент обретёт всемирную славу и словно локтем оттеснит в сторону многие другие его произведения, возможно, он и вовсе не написал бы его.

Но таковы законы искусства: иногда именно то, что рождается «по заказу», «в шутку» или «на ходу», становится знаком судьбы и впечатляет имя автора в мировую память одним вечным дыханием.

Отец, ты хорошо знаешь: театр жил в нём. Он любил сцену не как зритель, приходящий на представление, а как хозяин дома — человек, который знает её дыхание, её тайные законы движения, паузы и внезапного взрыва чувств.

Для него сцена была не просто местом исполнения. Она была пространством человеческой судьбы, где сталкиваются чувство и мысль, где жизнь обнажается в своей драме и красоте.

Он часто повторял:

— Если бы музыка не заполнила мою судьбу, я, наверное, стал бы актёром.

И в этих словах не было ни тени шуток.

В каждой его партитуре чувствуется сценическое движение, в каждой теме угадывается характер, почти роль, а в каждом взлёте звука — своя драматургия. Его музыка живёт, как живёт актёр на сцене: она дышит, ломается, на мгновение замирает, уходит в тишину и снова возвращается.

Иногда мне казалось, что сам Учитель стоит где-то за кулисами этой музыки и внимательно наблюдает за судьбой своих героев.

Когда я слушаю вальс из «Маскарада», я всегда вспоминаю, как он искал тему. Он перечитывал классиков, вновь и вновь возвращался к страницам знакомых текстов, пока не находил то единственное, что одновременно звучало бы ново, было бы красиво и наполнено смыслом.

Он не знал покоя, пока звук не становился родным слову. Не щадил себя, не уставал от бесконечных повторов — потому что знал: настоящая музыка рождается лишь там, где человек не боится долгого и терпеливого труда.

И вдруг тема возникла не за роялем, не в момент сочинения, а во время работы над портретом — когда мысль, казалось, на мгновение отделилась от музыки.

Для меня это стало уроком. Тема приходит только к тому, кто пожертвовал покоем. К тому, кто не умеет примиряться с собой, пока стрела его мысли не достигнет цели.

Он сказал однажды:

— Для меня важнее всего взгляд простого слушателя — настоящего любителя музыки. Он может сказать, хорошо было или плохо. Потому что он говорит правду.

И я понял: величие Учителя стояло прямо перед слушателем. Он не прятался за термины. Для него музыка была не «отчётом» и не «теорией», а воздействием. Голосом сердца.

Отец, помнишь 1948 год? Год, когда искусство безжалостно разделили на «виноватых» и «невиновных». По громким именам провели официальную черту, оттеснили от сце-

молкают, отходят, ломаются. Он тоже мог уйти в тень. Но он остался Учителем — потому что не сломался. Потому что музыка не позволила. Для него музыка была не профессией — судьбой. Судьбой, которая ранит, но не даёт права молчать; судьбой, которая оставляет тебя одного, но сохраняет звук живым.

Он не позволял нам быть подражателями. Он требовал: найди свой путь.

И, возможно, именно поэтому спустя годы, когда я написал «Танец суфиев» и «Суфий и Будда», когда читал и открывал для себя Мавлоно Джалолиддина Балхи уже не толь-

и мудростью столетий существует невидимый мост и Учитель прошёл по нему раньше меня.

В 2014 году, накануне столетия со дня рождения Учителя, я пришёл к мысли: некоторые наставники продолжают учить нас даже после своей смерти. Арам Хачатурян — один из них. Этим объясняется и появление произведения «Рhapsодия-диалог» для фортепиано, дудука и симфонического оркестра — сочинения, построенного на его темах и интонациях.

Это было уже не просто упоминание имени — это был разговор. Разговор, ломавший границы времени. Словно звуки пришли вместо слов.

Фортепиано стало моими вопросами — тревожными, бурными, полными споров сегодняшнего мира. А дудук — его ответами: точными, тёплыми, крепкими. Без спешки и без сомнений.

И я сказал себе:

— Это ещё один мастер-класс Учителя...

Потому что каждый раз, когда я слышу это произведение, мне кажется: он снова рядом — молча, с той знакомой улыбкой, будто слушает, подтверждает и без слов говорит: путь верен, звук жив, диалог продолжается....

Когда я писал «Речитатив Руми», я всё чаще думал о кружении как о молитве, о повторе зикра — как о дыхании, о ритме, который постепенно превращается в биение сердца. Там движение уже не для зрелища, а для исчезновения «я». Там звук уже не для уха, а для пробуждения внутреннего мира.

И тогда я понял: дисциплина, которую Учитель взрастил во мне, была не просто профессиональным правилом, она была запасом сил для пути, для путешествия духа. Потому что духовность без дисциплины — лишь мечта, неустроенная эмоция, свеча без подсвечника.

Так Арам Хачатурян, которого многие знают как «мастера танца», стал для меня Учителем центра. Учителем того, что у музыки должен быть стержень, ось, точка собирания. Иначе звук распадается.

И человек таков же: если в нём нет внутреннего центра — смысла и нравственной дисциплины, он рассыпается. Так рассыпаются и общества, и народы, и страны: теряют духовную ось и превращаются в набор разрозненных голосов, а не в единую симфонию.

Центр — не сила и не страх. Центр — духовность. Это та точка, вокруг которой собираются мысль, совесть, культура и будущее.

Арам Хачатурян ушёл из жизни 1 мая 1978 года. Но я верю: великие не умирают. Они продолжают в учениках, в мыслях, в этике труда, в умении держать равновесие между тишиной и звуком.

(Продолжение на стр. 14)

Центр — не сила и не страх.
Центр — духовность.
Арам Хачатурян

ны, театра, кино — от всего. В числе «виноватых» оказался и мой Учитель, Арам Хачатурян. Его, как и тебя, хотели сломать. Но он не сломался.

Самое тяжёлое в такие минуты даже не давление власти. Гораздо больнее, когда некоторые друзья вместо того, чтобы подставить плечо, тихо отходят в сторону, а вчерашние соратники вдруг делают вид, будто не узнают тебя.

Это был не только политический удар. Это был настоящий экзамен — экзамен на человечность, на верность, на мужество.

В подобной ситуации многие за-

ко как поэта, но как целую школу мысли и путь духовного познания, я вдруг ясно увидел: дорога, на которую меня вывел Учитель Арам Хачатурян своим молчаливым присутствием и уроками жизни, — это та же дорога, по которой когда-то шли великие мудрецы персидского мира.

Это путь не звука — путь смысла. Не внешнего — внутреннего. Где музыка становится зикром, мелодия — мыслью, а творчество — молитвой. И тогда я понял: между симфонией и газелью, между сценой и уединением, между опытом нашего века

ТАИНСТВЕННЫЙ КОМПОЗИТОР

Геннадий Толстенко,
композитор, профессор Ростовской
государственной консерватории
имени С. В. Рахманинова

С музыкой Толиба Шахида я познакомился в начале 1978 года, когда увидел в нотном магазине партитуру симфонической поэмы для оркестра «Празднество». Возникает закономерный вопрос: почему юноша - учащийся второго курса музыкального училища - приобретает партитуру, не зная ни композитора, ни его произведений?

Объяснение было простым. Открывая незнакомую партитуру, я сразу обращаю внимание на графическое своеобразие оркестровой фактуры. В этом произведении музыкальная ткань была организована иначе, чем у классиков. Внимательно изучив нотный текст, я почувствовал огромное желание услышать «Празднество» и другие сочинения этого тогда ещё «таинственного» для меня композитора.

Наконец, в начале 80-х годов по телевидению показали фильм-балет «Рубаи Хайяма» Толиба Шахида. Как зачарованный, я слушал у экрана телевизора эти волшебные звуки. Тогда я и представить себе не мог, что спустя двадцать пять лет, будучи одним из организаторов и директором крупнейшего на юге России фестиваля современной музыки «Ростовские премьеры», не только приглашу Толиба участвовать в этом форуме, но и стану его другом.

Как же я радовался, когда старшие и именитые коллеги-композиторы - Гия Канчели, Валентин Сильвестров, Роман Леденёв - очень тепло отзывались о музыке Толиба, а ростовские музыковеды, подводя итоги Второго фестиваля (2003), отметили,

что именно Толстенко открыл им музыку Шахида. О большей похвале я и мечтать не мог.

Творчество Толиба Шахида - уникальное, самобытное и яркое явление. Оно занимает особое место в истории профессиональной музыкальной культуры Таджикистана. В композиторском арсенале Шахида присутствуют практически все средства художественного выражения, накопленные мировым музыкальным искусством. Ему присуще поразительное чувство меры в использовании современных технических приёмов и национальных интонационных элементов. Он всегда мыслит оригинально, даже обращаясь к традиционным композиционным структурам и методам.

Музыка Шахида - редкий пример бережного и глубоко личного переосмысления национального наследия. Для него важнее не то, какими средствами создаётся произведение, а то, ради чего и для кого оно написано.

Всё, что делает Шахида, интересно и понятно не только профессионалам, но и простому, неискушённому слушателю. Его звуковая материя эмоциональна, порой драматична, но при этом остаётся удивительно красивой и светлой.

Наш мир стал бы беднее, если бы не было этой замечательной музыки.

Слушайте музыку Толиба Шахида!

Бахринисо Кабилова,
доктор исторических наук, профессор, внучка Героя
Таджикистана Нусратулло Махсума.

МУЗЫКА, В КОТОРОЙ ЗВУЧИТ ДУША НАРОДА

Имя Толибхона Шахида занимает особое место в истории современной таджикской музыки. Его произведения давно вышли за пределы национального пространства и звучат на лучших концертных площадках мира, представляя богатство и глубину таджикской музыкальной культуры.

Толибхон Шахида – крупная фигура в нашей музыке. С его творчеством я познакомилась много лет назад, когда впервые услышала симфоническую поэму «Празднество» – яркое и эффектное произведение, оставившее сильное художественное впечатление. Однако личное знакомство с композитором состоялось сравнительно недавно, когда Маэстро задумал написать книгу о своём учителе – Юрии Григорьевиче Тер-Осипове, к памяти которого он неизменно обращается с благодарностью и любовью.

Вместе с Толибом Зиядуллаевичем мы подготовили сборник статей и воспоминаний под символическим названием «ADAGIO MEMORY». Так началось наше творческое и дружеское общение.

Без музыки Толибхона Шахида таджикская культура выглядела бы значительно беднее. Масштаб его творческого наследия и разнообразие созданных произведений действительно впечатляют. Независимо от темы и времени их создания композитор остаётся верен ясности музыкального письма, где мелодия и интонация являются основой художественного образа.

Одним из ярких примеров является сочинение «Рапсодия-диалог» на темы-интонации Арама Хачатуряна. Это произведение посвящено ещё одному наставнику композитора, чьё художественное наследие оказало заметное влияние на формирование творческого почерка Шахида. И профессиональным, и жизненным ориентирам великого мастера композитор следует на протяжении всего своего творческого пути.

«В МУЗЫКЕ ТОЛИБХОНА ШАХИДА МЕЛОДИЯ И ИНТОНАЦИЯ СТАНОВЯТСЯ ЯЗЫКОМ ГЛУБОКИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВ».

Толибхон Шахида глубоко предан своему народу, в котором особенно ценит красоту и талант. Независимо от сферы деятельности – будь то композиторская, общественная или педагогическая работа – он удивительным образом соединяет в себе дарование художника и активную гражданскую позицию человека, неравнодушного к судьбе родного Таджикистана.

Сегодня он остаётся единственным таджикским композитором, чьи произведения регулярно исполняются далеко за пределами страны. Через своё творчество он представляет международному сообществу достижения молодой национальной композиторской школы.

Сотрудничество композитора с признанными мировыми деятелями искусства способствует популяризации таджикской музыки и формированию интереса к богатому культурному наследию таджикского народа. Вечно живая национальная культура звучит в творчестве Толибхона Шахида, возрождаясь к новой жизни и озаряясь высшей гармонией – гармонией Музыки.

ГОРДОСТЬ ТАДЖИКИСТАНА

Муhiba Якубова
академик, почётный профессор многих
престижных университетов зарубежных
стран

Очень люблю Толибхона и Гулсифат Шахида. В канун юбилея хочу поздравить Толибхона и пожелать ему всех благ.

Я считаю, что сегодня нет равного ему композитора не только в республике, но и во всей Центральной Азии. Он настоящий художник музыки, чьи палитры становятся достоянием творчества всего народа. Он полномочный представитель культуры Таджикистана во всём мире. Его творения исполняют в самых разных уголках земли.

Мы дружили с мамой Гулсифат, были соседями. Наши дети росли вместе. Сегодня смотрю на семью маэстро и горжусь, что мы общаемся и делим вместе творческие удачи и вдохновения. Пусть Бог бережёт вас и подарит долгую творческую жизнь.

ИНТУИЦИЯ

– ОСНОВНОЕ СОСТОЯНИЕ КОМПОЗИТОРА

Музыка Толибхона Шахида давно перешагнула границы одной страны. Его произведения звучат в лучших концертных залах мира, а исследователи называют его творчество уникальным синтезом Востока и Запада. Сын основателя таджикской композиторской школы Зиядулло Шахида, он сумел продолжить и развить эту традицию, превратив национальные интонации в язык мировой музыкальной культуры. О роли интуиции в творчестве, влиянии отца и поисках вдохновения композитор рассказал в беседе.

– В вашей музыке соединяются разные культурные традиции – таджикская, индийская, армянская, даже китайская. Это происходит интуитивно?

– Да, прежде всего интуитивно. Таджикский маком, например, близок китайской диатонике, поэтому иногда в музыке возникают неожиданные интонации. Так произошло и с моим Третьим концертом для фортепиано с оркестром: о китайских оттенках в нем мне сказали уже после его написания. Это неудивительно, ведь культуры на протяжении веков взаимодействовали благодаря Великому шелковому пути.

Интуиция – основное состояние композитора. Но важна и звуковая среда, в которой он вырос. Огромную роль в моем становлении сыграл отец – Зиядулло Шахиди. Он прекрасно знал поэзию Востока, использовал маком в своих произведениях. С детства наш дом был наполнен музыкой: к нам приходили композиторы, артисты, музыканты.

Индийская музыка тоже звучала постоянно. В то время индийские фильмы были очень популярны во всем СССР, особенно в Средней Азии. Наш маком родственен индийской раге. Изучая индийскую музыку, я понял, что ее интонационная основа остается неизменной, меняются лишь способы музыкального выражения.

– Возникали ли у вас противоречия между национальной и европейской музыкальной традицией?

– Конечно. В юности отец советовал мне серьезно изучать народную музыку, но тогда я не придавал этому значения и позже об этом сожалел.

В Душанбе я учился у композитора Юрия Тер-Осипова – ученика Кара Караева, который, в свою очередь, был учеником Дмитрия Шостаковича. Он научил нас работать с

народным материалом и соединять его с европейской музыкальной формой.

Позже я учился в Московской консерватории у Сергея Баласаняна, затем у Андрея Эшпая и Арама Хачатуряна. Общение с такими мастерами было настоящей школой. Нам повезло жить в эпоху великих музыкантов.

– Как вы оцениваете сегодняшнее состояние музыкальной культуры в Таджикистане?

– После распада общего советского культурного пространства ситуация стала сложнее. Еще мой отец сталкивался с вопросом: нужна ли нашему народу европейская классическая музыка. Но я убежден, что опора на национальный фольклор и одновременно диалог с мировой культурой – единственный путь развития.

К примеру, я сделал фортепианную транскрипцию на темы оперы моего отца «Комде и Мадан», а также подготовил оркестровую редакцию танцев из этой оперы к его 100-летию.

– Откуда вы сегодня черпаете вдохновение?

– Очень часто источником вдохновения становятся исполнители. Например, я написал концерт для

«НАМ ПОВЕЗЛО
ЖИТЬ В ЭПОХУ
ВЕЛИКИХ
МУЗЫКАНТОВ
– ХАЧАТУРЯНА,
ШОСТАКОВИЧА,
ОЙСТРАХА».

кларнета по просьбе музыканта Игоря Федорова. Позже это произведение было записано с оркестром Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева.

С маэстро Гергиевым мы знакомы еще с 1980-х годов – тогда он исполнил мою симфоническую поэму «Садо» в Большом зале Московской консерватории.

– Ваша музыка очень экспрессивна, но вы сами человек сдержанный. Нет ли здесь противоречия?

– Экспрессия – это внутреннее состояние. Музыка позволяет выразить то, что невозможно сказать словами.

Недавно я написал произведение Adagio Existence для струнного оркестра, посвященное моей маме. А одна из последних работ – романс для голоса и симфонического оркестра на 19-й сонет Уильяма Шекспира Devouring Time, который прозвучит в Лондоне.

Сегодня мне особенно близки строки Анны Ахматовой:

«Отдай другим игрушку
мира – славу,
Иди домой и ничего не жди.»

А. Хачатурян с учениками: слева направо: А. Хачатурян, А. Рыбников, Г. Пелецис, М. Минков, Т. Шахиди.

ЯК УМР КИФОЯ НЕСТ...

Толибхон Шаҳидӣ - композитори шинохтаи тоҷик, Ҳунарпешаи халқии Тоҷикистон ва яке аз намояндагони барҷастаи мусиқии академии тоҷик имрӯз бештар дар Маскав ва Лондон зиндагӣ мекунад. Бо вучуди ин, ӯ ҳамоно худро чузъи фарҳанги Тоҷикистон медонад. Дар суҳбате бо мо оҳангсоз аз дастовардҳои эҷодӣ, вазъи мусиқии тоҷик ва роҳҳои муаррифии он дар ҷаҳон гуфт.

- Толибхон Зиёдуллоев, солҳои охир бештар берун аз Тоҷикистон фаъолият мекунад. Дастоварди асосии эҷодии шумо дар вақтҳои охир кадом аст?

- Яке аз муҳимтарин асарҳое, ки соли гузашта навиштам, «Метафор дар пояи сонате Крейсеров» мебошад. Ин асар дар асоси андешаҳои Лев Толстой эҷод шудааст. Он дар озмуни умумиҷамъиятии «Толстой аз дидгоҳи бастакорон», ки ба 190-солагии нависанда бахшида шуда буд, сазовори ҷойи аввал гардид. Нахустнамоиши он дар шаҳри Тула ва ҳамчунин дар Ясная Поляна баргузор шуд.

- Чӣ шуморо водор кард, ки ба эҷодиёти Толстой рӯ оред?

- Ман қаблан ҳам дар асоси осори адибони бузург, Румӣ, Умари Хайём, Садриддин Айний ва Лоик Шерали асарҳо навишта будам. Аммо ин идея ногаҳон ба вучуд омад. Вақте ҷамъияти фестивал баргузор мешавад, қарор додам, ки дар асоси «Сонатаи крейсер»-и Толстой асаре эҷод кунам. Ин асар дар бораи сарнавишти инсон, рашк ва паёмадҳои он аст.

- Шумо солҳои зиёд ба масъалаи пайванди мусиқии миллӣ ва мусиқии академӣ машғул ҳастед. Ин раванд то чӣ андоза муҳим аст?

- Устоди ман Арам Хачатурян ҳамеша мегуфт: «Сарчашмаи мусиқии миллиро фаромӯш накун!». Барои композитори ҳақиқӣ хеле

Одил Нозир,
журналист

муҳим аст, ки фолклор ва мусиқии суннатии халқи ҳудро хуб донанд. Танҳо дар ин сурат мумкин аст мусиқии миллиро ба сатҳи ҷаҳонӣ бардоранд. Ман тамоми умр кӯшиш кардам, ки мусиқии тоҷикро бо мусиқии ҷаҳонӣ синтез кунам.

- Ба назари шумо, мусиқии тоҷик чӣ ҷозиба дорад, ки метавонад шунавондаи ҷаҳониро ҷалб кунад?

- Мусиқии аврупоӣ бештар ба сохтори мантиқӣ ва математикӣ таъсир мекунад, дар ҳоле ки мусиқии Шарқ аз ҷумла мусиқии тоҷик, бештар андеша ва эҳсос дорад. Аз ҳамин сабаб он мустақим ба қалби инсон роҳ меёбад.

- Шумо аз фаъолияти Оркестри давлатии симфонии Тоҷикистон низ дидан кардед. Таассурот шумо чӣ гуна аст?

- Оркестр хуб аст, аммо ба мутахассисони бештар нисбат дорад. Ба фикри ман, барои рушди он бояд ҷавонони боистеъдод ба консерваторияҳои пешрафта фиристода шаванд. Агар кадрҳои касбӣ зиёд шаванд, имкониятҳои оркестр низ бештар мегарданд.

- Имрӯз компютер ба тамоми соҳаҳо, аз ҷумла ба мусиқӣ ворид шудааст. Шумо аз он истифода мекунед?

- Ман то ҳол бо қалам дар варақи нотанависӣ менависам. Баъд онҳоро ба мутахассисон медиҳам, то ба компютер ворид кунанд. Ба назари ман, мусиқӣ бояд аз қалб ояд. Компютер танҳо техника аст, ҳарчанд корро осон менамояд.

- Ба назари шумо, барои рушди мусиқии касбии тоҷик имрӯз чӣ муҳим аст?

- Пеш аз ҳама омӯзиш. Бастакорон бояд ҳам мусиқии ҷаҳонӣ ва ҳам ҷаҳонӣ, ҳам шашмақомро хуб омӯзанд. Имрӯз қадамҳои аввал барои рушди мусиқии симфонӣ гузошта шудаанд. Оркестр ташкил шудааст, имкониятҳо пайдо мешаванд. Аммо барои пешрафти воқеӣ як умр ҳам кам аст...

Арам Хачатурян: «ТОЛИБ, НЕ ТЕРЯЙТЕ ВРЕМЯ!»

(Начало стр. 10)

Они становятся советью — тем внутренним голосом, который просыпается перед каждым решением; мерой, не позволяющей довольствоваться лёгким; чувством, заставляющим оставаться правдивым даже тогда, когда правда бывает опасной.

Иногда я сочиняю и спрашиваю мысленно:

— Арам Ильич, так верно?

И слышу ответ не словами, а глубинным внутренним ощущением:

— Работай. Не подражай. Ищи. Не уходи от правды.

Это не приказ — это направление. В нём нет уютной тени подражания и безопасных шаблонов. Такой ответ не успокаивает, он будит.

Он требует мужества: уйти из тени Учителя, но не предать его дух; говорить своим голосом и всё равно держать ту же строгую меру совести.

Я понял: связь Учителя и ученика — не воспоминание, а преемственность миссии. Учитель нужен не для того, чтобы ты стал его тенью, а для того, чтобы свет, который он зажёл, осветил твою собственную дорогу. Дорогу показывают, но идти по ней ты должен сам: своими шагами, своими ошибками, своей правдой.

И всякий раз, возвращаясь к музыке, я повторяю:

— Толиб, не теряй время!

Фраза простая, но в ней спрятана философия: уважение к мгновению, уважение к труду, уважение к тому, что нельзя растратить впустую. Это голос Учителя. Не из прошлого, изнутри. И я знаю: он будет со мной до конца, пока я работаю, ищу и не бегу от правды.

Отец, помнишь историю, как я получил жильё? И это тоже стало возможным благодаря Араму Хачатуряну. Он был наставником не только в музыке, но и в жизни. Помогал тихо, без демонстрации и без упрека. Он присутствовал не ради звучания своего имени, а ради того, чтобы дело решилось. А затем так же спокойно возвращался

в тишину, к своей музыке.

Тогда у меня действительно были трудности с жильём. А человеку нужен свой угол — не только для работы, но и для уединения. Без уединения мысль распадается, музыка не складывается, человек начинает терять самого себя. Я особенно остро почувствовал это в те годы, когда у меня не было собственной крыши над головой и приходилось переходить из одной квартиры в другую.

Арам Ильич понял меня без слов, не задав ни одного вопроса. Он был из тех Учителей, которые не обсуждают проблемы — они их решают.

Он сел за стол и написал письмо первому секретарю Компартии Таджикистана Джаббору Расулову. Письмо было коротким, спокойным, без всякой требовательности — просто тихая просьба помочь молодому композитору, которому нужен дом. У Арама Ильича был огромный авторитет во всём Союзе. Но он никогда не носил его напоказ, как награду. Он пользовался своим именем редко — и почти всегда ради других.

И, может быть, в этом и есть одно из тихих отличий больших людей от обычных: они умеют превращать возможность в помощь.

Позднее я узнал: именно это письмо многое решило. Не только вопрос жилья. Оно подарило мне чувство опоры — ощущение, что я не один. На этом трудном пути есть люди, которые видят тебя, понимают и в нужную минуту становятся рядом, как плечо. И тогда я понял: настоящая поддержка не шумит. Она приходит тихо — как рассвет, который без единого звука отодвигает ночь. Именно такая поддержка делает человека сильнее.

Вскоре мне дали квартиру.

Однажды Арам Ильич, с привычной своей улыбкой, спросил:

— Знаешь, почему тебе так быстро дали жильё?

Я промолчал.

И тогда он сам ответил: — Потому что я напи-

сал Джаббору Расуловичу. Знаешь, с чего начал письмо?

Он сделал небольшую паузу и, чуть улыбнувшись, добавил:

— Я начал так: «Дорогой Джаббор... прошу тебя...»

А потом, между прочим, поздравил его с шестым орденом Ленина.

И, уже почти шутя, сказал:

— Если бы я написал официально: «Уважаемый Джаббор Расулович», — поверь, ты бы не получил квартиру так быстро...

Эти слова остались во мне, как простой и точный такт.

Он не только помог — он научил помогать. Показал: сила не в громком голосе, а в правильно найденной интонации.

Отец, всякий раз, приезжая в Москву, я обязательно иду с цветами на могилу Арама Хачатуряна. Я считаю это долгом ученика.

Ты помнишь день его смерти — 1 мая 1978 года, праздник трудящихся. Москва тогда цвела, звучала музыка, лица были улыбки. Город праздновал. Я шёл по проспекту Карла Маркса и вышел на улицу Герцена, где находится консерватория. Мне говорили, что Учителя привезли туда. У входа стояло много людей — друзья, близкие, ученики.

Он лежал на кровати в комнате, которая долгие годы была его местом тишины, размышлений и одиночества. Он сильно похудел — будто всю свою силу уже раздал нотам, сцене, оркестрам, и теперь осталось лишь тело, готовое к последнему пути.

Тогда я об этом не думал. Я просто смотрел на него.

Он открыл глаза. Его взгляд встретился с моим — и этот взгляд я не забуду никогда. В нём была та особая тишина, которая бывает только у людей, многое увидевших и многое отдавших. Тогда я ещё не понял, что это прощание.

И вдруг его глаза наполнились слезами. Он хотел что-то сказать. Губы едва дрогнули, но звук так и не родился — словно слово остановилось на полпути.

Слеза медленно скатилась по его щеке....

СОЧИНЕНИЯ ТОЛИБХОНА ШАХИДИ

ОПЕРЫ

«Хранительница огня» (1987)
«Амир Исмоил» (1999)

ОПЕРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Калиф-аист» (1989)
«Карлик нос» (1989)
«Красавица и чудовище» (1993)
«Волшебные яблоки» (по мотивам английской сказки, 2008)

БАЛЕТЫ

«Смерть ростовщика» (1978)
«Рубаи Хайяма» (1980)
«Юсуф и Зулейха» (1989).
«Сиявуш» (по мотивам поэмы Фирдавси, 1992)
«Персия. История вечной любви» (2024)
«Тающая красота» (2025)

СИМФОНИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Симфония № 1 (1977)
Симфония № 2 (1978).
Увертюра для симфонического оркестра (1974)
Симфония для камерного оркестра «Чарх» (1981)
Симфоническая поэма «Празднество» (1975)
Марш для симфонического оркестра (1982)
Симфонические картины «Авиценна» (1984)
Симфоническая поэма «Садо» (1984)
«Симфония-элегия» памяти З. Шахиди (1986)
«Тихая музыка» (памяти погибших в землетрясении в Спитаке) для струнного оркестра (1986)
Симфоническая рага «Тадж-Махал» (1987)
«Two Tajik sentiments» (2001)
«Персидская поэма» для струнного оркестра (2002)
«11 September Exspresivo» для симфонического оркестра (2001)
Симфоническая картина «Дариус» (2012).

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕРТЫ

«Маком-каприччио» для фортепиано и струнного оркестра (1970)
Концерт № 1 для фортепиано с оркестром (1982)
Концерт для виолончели с оркестром (посвящено М. Хомицеру, 1990)
Концерт № 2 для фортепиано и камерного оркестра (1991)
Концерт для скрипки и камерного оркестра (1993)
Концерт № 3 для фортепиано с оркестром (1994)
Концерто гротто № 1 для струнного оркестра (1997)
Концерто гротто № 2 «Фирдавснома» (1998)
Концертная музыка для 15 инструментов (1998)
Каприччио для саксофона и камерного оркестра в четырёх частях (1998)
Концерт для скрипки и струнного оркестра (1998)
Концерто гротто № 3 для скрипки, сантура и камерного оркестра в четырёх частях (2004)
Концерто гротто № 4 (посвящено 100-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича, 2006)
"Adagio existenz памяти родителей» для струнного оркестра (2012)
Концерт для кларнета и симфонического оркестра (2010)
Рапсодия на темы А. Хачатуряна для фортепиано с оркестром (2013)
Концертино «Saul» для духовых, ударных инструментов и фортепиано (2016)
Концертная прелюдия для камерного оркестра (2016)
Концерт для альта с оркестром (2017)
«Танцы улыбок» для кларнета соло, фортепиано, мариимбы, вибратона и струнного оркестра (2018)
Кончертато для виолончели с оркестром «Autumn String» (2019)
Миниатюры для хора и фортепиано (2021)
Концерт для фортепиано и камерного оркестра (2023)
Экспромты для фортепиано (2025-2026)

КАМЕРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ

Соната для скрипки соло (1975)
«Фантазия-маком» для скрипки и фортепиано (1976)
Соната № 1 для фортепиано (1981)
Цикл прелюдий для фортепиано (1985)
Сюита для флейты и фортепиано (1981)
Сюита для флейты и фортепиано «Речитативы Руми» (1983)
Соната № 2 для фортепиано (посвящена 100-летию со дня рождения С. Прокофьева, 1991)
Токката для двух фортепиано (1996)
«Фантазии в 55» для двух фортепиано в четырёх частях (2001)
Септет «Танцы сновидений на Шёлковом пути» (2000)
Соната для скрипки и фортепиано (2001, новая редакция-2017)
Этюд-картина № 1 «Суфий и Будда» для фортепиано (2003)
Парафраз на темы из оперы «Комде и Мадан» З. Шахиди для фортепиано (2004)
«Rumi danse» для скрипки и фортепиано (2005)
Сюита для трёх флейт в четырёх частях «Разговор птиц» (2007)
Адажио для виолончели соло (2008)
«Аллегро на 5/4» для камерного ансамбля (2008)
Этюд-картина № 2 «Игра в нарды» для фортепиано (2008)
Парафраз на темы оперы Верди «Травиата» для фортепиано (2009)
«Чаро?» («Почему?») постлюдия для фортепиано (2011)
Квартет для четырёх виолончелей в интонациях индийской раги (2011)
Квартет для скрипки, альта, виолончели и фортепиано (2012)
«Adagio existens памяти родителей» для струнного оркестра (2012)
Парафраз на темы из оперы Дж. Верди «Аида» для фортепиано «Балабиле» (2014)
Юмореска на тему З. Шахиди для фортепиано (2014)
«Шествие», «Вариации Ситоры» и «Танец чёрных воинов» из балета «Рубаи Хайяма» (переложение

для двух фортепиано, 2014)

Три симфонических этюда из балета «Сиявуш» в переложении для фортепиано (2015)

Аллегретто для флейты и фортепиано (2016)

Этюды-картины № 3, 4 (из балета «Рубаи Хайяма», транскрипция для фортепиано; 2016)

Дуэт для скрипки и альта «Параллели» (2018)

«Постлюдия (Белые ноты)» для фортепиано (2020)

ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ

Вокальный цикл «Поэма странствий» на стихи О. Хайяма и Л. Шерали (1981)

Поэма «Khofiznoma» для чтеца и камерного оркестра (1994, текст в исполнении Фарруха Касимова)

Вокальный цикл на стихи Олжаса Сулейманова (1995)

Вокальный цикл «Добро вам» для тенора и симфонического оркестра на стихи Хафиза, Гёте и Пушкина (1999)

Вокальный цикл «Картины под луной» на стихи Р. Финна (2000)

Кантата «Гармония мира» для сопрано, тенора и симфонического оркестра (2000)

Старинная песня для голоса с оркестром «Qalabandi» (2004)

Старинный маком для голоса с оркестром «Надида бигзашт» («Прошла незаметив», 2004)

Вокальный цикл для сопрано и симфонического оркестра «Несовершенство нашего мира удел...» на слова П. Валери и Рёкана (2006)

«Ретро-миниатюры» для хора a capella, памяти З. Шахиди (2008)

«Sheraz Fantazi» для скрипки и фортепиано (2012)

Две поэмы («Жизнь наша двойственна - есть область сна» на слова Дж. Байрона для сопрано, баритона, камерного ансамбля и хора; «Онхо ки талабгори худоед» на слова Дж. Руми; 2013)

Романс «Devouring time» для голоса и оркестра на Сонет Шекспира (2014)

Экспромт «Ad libitum» для хора и фортепиано в двух частях (2015)

Романс «Нас мало...» на стихи В. Набокова (2016)

«Метафоры по "Крейцеровой сонате" Льва Толстого» для хора в сопровождении фортепиано (2018)

Триптих для камерного хора, фортепиано и челесты «Как говорят...», слова И. Гёте в переводе М. Заходера «Истина от Пушкина» (2019)

«Шутка без слов» (2020)

МУЗЫКА К СПЕКТАКЛЯМ

«Эдип» (1985)

«Ромео и Джульетта» (1986)

«Ящерица» (1986)

«Король Лир» (2000)

«Рудаки» (2011)

«Кабала святош» (М. Булгаков)

МУЗЫКА К КИНОФИЛЬМАМ

«Вперед, гвардейцы!»

«Краткие встречи на долгой войне»

«Кто был ничем, тот станет всем»

«Преступник и адвокаты»

«Если любишь»

«Капкан для шакалов»

«Рыбка Гульдор» (мультфильм)

«Двуногий конь» (Махмалбав-фильм)

«Будда, рухнувший от стыда» (Махмалбав-фильм)

«Стрельба дуплетом»

«Контакт»

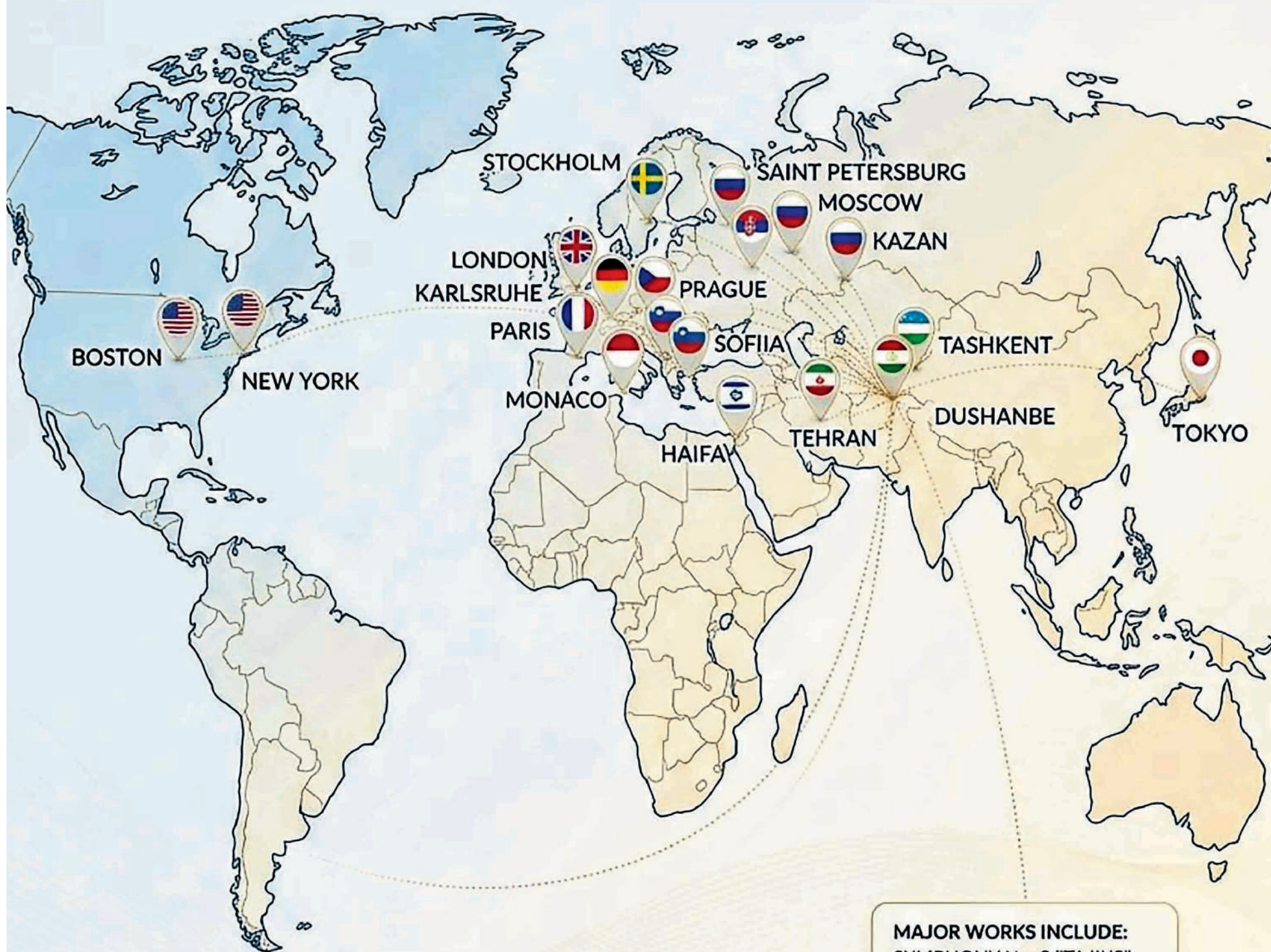
«Присутствие»

«Нолаи Тамбур» (2017-2018)

ГЕОГРАФИЯ КОНЦЕРТОВ ТОЛИБХОНА ШАХИДИ

ТОЛИБХОН ШАХИДИ
КОМПОЗИТОР, НАРОДНЫЙ
АРТИСТ ТАДЖИКИСТАНА

MAJOR WORKS INCLUDE:
SYMPHONY No. 2 "TAJIKS",
BALLET "DEATH OF USURER",
OPERA "AMIR ISMOIL", "SADO"

Директор:
Курбонов Эрач
Мирзоевич

Муҳаррирон:
Одили Нозир,
Тахмина Ахмедова

Саҳифабанд:
Фирдавс Сатторов
Дизайнер:
Акмал Шарифов

Мусахҳеҳ:
Усмон Ниёзов,
Фазлиддин Хочаев

Дар чопхонаи ҶДММ «Мега принт» ба нашр расидааст.
Формат А3. Бо қоғози ҷилдор. Хафтанома дар Вазорати фарҳанги
Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти № 447/РЗ -97 сабти ном шудааст.
Теъдоди нашр 17100 нусха.